

Книга 2

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитриева Марина
Не смей меня
касаться

Марина Дмитриева

Не смей меня касаться. Книга 2

«Автор»

2018

Дмитриева М.

Не смей меня касаться. Книга 2 / М. Дмитриева — «Автор»,
2018

Ну, здравствуй, улица Троицкая, дом десять. Эх, совсем другую невесту я хотел отсюда забрать и сделать навсегда своею. Посмотрел в окна квартиры на шестом этаже, сердце сжалось болезненным ершистым комком, потому что за стеклянной гладью окна мне почудился силуэт Тани Лазаревой. Эти два с половиной месяца она везде мне видится и практически каждодневно снится. Неужели Андалузская красавица вернулась?! Конечно, правильные упрямые девочки, даже несмотря на щекотливые обстоятельства, не станут пропускать свадьбу младшенькой горячо любимой сестренки. Черт, черт, черт!! Почувствовал себя львом в клетке, нет, скорее жертвенным бараном, перед тем как ему перережут горло... Причем баран сам, нацепив свой лучший костюм, с букетом цветов под мышкой приперся на капище, чтобы ему пустили кровь. Идиот!.. Полнейший кретин... Содержит нецензурную брань.

© Дмитриева М., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Марина Дмитриева

Не смей меня касаться. Книга 2

Пролог

«Тише, Танечка, не плачь, не утонет в речке мяч».

Ха... Если бы утонул, лопнул, разбился вдребезги хрустальный шарик моей выдуманной идеальной любви. И теперь я в красном платье, цвет которого так хорошо подходит моей смугловатой коже да темным, словно вороново крыло, волосам, густо крашу губы алой помадой, собираясь на свадьбу к своей младшей, горячо любимой, сестренке. Я буду пить вино, танцевать и весело смеяться, делая вид, что мне на все начхать. К чему эта демонстрация, Таня?! Что ты хочешь доказать?! Дескать, посмотри, какой я могу быть красавицей, настоящей женщиной вамп. А если к природной, весьма броской миловидности прибавить прекрасные аналитические мозги, то получается убийственное сочетание, которое ты, болван, умудрился проворонить, погнавшись за двумя зайцами. Глупо изображать не свойственные тебе роли. Надо выбрать другое платье. Пожалуй, лучше надеть свое любимое лаконичное черное платье в стиле Коко Шанель. Ага, а ведь он может подумать, что я до сих пор оплакиваю нашу канувшую в вечность неземную любовь. Нет, не дождетесь от меня траура по столь ничтожному поводу, да и разве прилично надевать черное в день свадьбы любимой сестренки. Я буду прекрасной кроваво-красной розой. Яркой, жгучей, притягательной. Да, пусть Алекс знает, видит воочию, что потерял из-за своих кобелиных порывов.

В дверь кто-то тихонько пошкрябался. Юлька. Это у нее такая привычка, не стучаться в дверь, как все нормальные люди, а чуть слышно водить по ней ноготками.

– Танюш, можно войти?!

Юля. Моя младшенькая обожаемая сестренка. Наша семейная красавица- голубоглазка.

Тише, Танечка, не плачь, удар, бросок, уже в других руках твой мяч.

– Конечно, Юляшка, проходи!

В комнату впорхнула удивительная белая птица. Младшей сестре безумно шло свадебное платье. Она в нем словно дивный нежный цветочек – прекрасная, завораживающая своим изяществом орхидея.

– Я так счастлива, Танюш, так счастлива! Представляешь, буквально через полтора часа я стану мисс Шуваловой.

Красивые голубые глазки лихорадочно сверкали, а тонкие пальчики слегка подрагивали. Налицо все симптомы предсвадебного волнения. Юлька от переполнявших ее эмоций даже запрыгала, захлопав в ладоши, точно девочка, получившая заветный подарок. Какой же она, в принципе, еще ребенок. И зачем сестре замужество? Ей бы еще в куклы играть. Скоро и куклы будут...

– Миссис, – машинально поправила я.

– Конечно, миссис, – задорно рассмеялась Юлька, – мне так повезло! Выхожу замуж прямо за настоящего принца!

А ничего, что принц старше тебе на тринадцать лет? И еще одна маленькая поправочка, сестренка, о который ты почему-то совершенно запаматовала – это мой принц, мой... Ты забрала моего принца. Впрочем, наличие денег и серебристого мерседеса не делает из мужчины королевского сына. Так что пусть забирает... Не нужны мне такие гнилые царевичи.

– Я так счастлива! – решила загнать посильнее нож в мое сердце младшая сестра.

В переизбытке чувств Юлька даже обняла меня. Сестренка, миленькая, до чего ж ты наивна. Сестренка, родненькая, до чего ж ты жестока в своем эгоизме. Взгляд невольно упал в

зеркало. Замерла, разглядывая отразившихся в зеркальной глади красавиц. Который раз поразились, мы с сестрой совершенно разные, слово небо и земля, роза и нежная орхидея, а ведь мама и папа у нас одни и те же. Непонятно, почему же цветочки получились такими непохожими? Даже внешне, не говоря уже о характерах и темпераментах. Ну, вот такой каприз генетики, я пошла в одну бабушку, а Юлька – в другую. Мы обе по-своему симпатичны, пожалуй, даже красивы, но при этом совершенно разные. Только лишь в форме носа можно увидеть близкое родство. Меня природа наделила карменской гривой темных локонов и черными цыганскими очами, Юлька же – белокожая, со светлыми прямыми волосами и огромными голубыми озерами глаз. Черты лица у меня – яркие, бросающиеся в глаза, запоминающиеся своей точеной чернотой, у Юльки все нежное, привлекающее внимание свежестью и совершенством линий. Прекрасная ведьма-брюнетка и обворожительная голубоглазая фея.

– Тань, ты ведь не обижаешься на меня, что все так получилось?!

Нет, конечно! Подумаешь, вдребезги разбились мои мечты, подумаешь, осколки этих мечтаний разодрали в кровь сердце, и оно теперь пульсирует постоянной болью в груди. Какая глупость, какая мелочь, зато ты теперь чувствуешь себя счастливой. Впрочем, с таким гнилым принцем рано или поздно хрустальный замок моей выдуманной любви превратился бы в пыль. Спасибо, что рано... Я успела только помечтать о счастье, а не до конца в него поверить. Жаль одного, вряд ли Юльке удастся избежать моей участи. Богачи обычно меняют женщин как перчатки, крутят романы сразу с двумя, а то и с тремя девушками. Ты следующая, сестренка. Гниль осталась, люди в таком возрасте не способны меняться. Кроме того, разве на предательстве построишь крепкую семью?

– Ну что ты, Юляш, конечно, я не обижаюсь. Что было, то прошло и быльем поросло, – даже не зажило ни капельки, напомнило все еще кровоточащее сердце. – Надеюсь, вы с Але... Шуваловым будете по-настоящему счастливы.

Ты сама-то веришь в это, Таня?!

Сестренка засмеялась, потом начала меня обнимать и целовать.

– Танюш, ты такая хорошая, самая лучшая в мире сестра!!

Самая лучшая в мире сестра, самая лучшая дочь, лучшая ученица, партнерша по танцам, студентка, и так далее до бесконечности. Некоторые даже, помнится, утверждали, что любовница я тоже великолепная – отзывчивая и страстная. Кажется, синдром отличницы во мне неискореним. Только, как показала жизнь, не все хорошие девочки заслуживают простого человеческого счастья.

В комнату заглянул немного хмурый, но весь при параде, папа.

– Юляшечка, там жених уже подъехал!

Не по душе папе эта свадьба... Впрочем, всем другим тоже, но что поделать, иногда обстоятельства сильнее нас. Только Юлька радуется, вон, даже дрожит от восторга, а глаза блестят каким-то ненормальным лихорадочным блеском. Подбежала к окну. Опять, точно маленькая девочка, получившая заветный подарок, захлопала в ладоши. Ребенок... еще совсем дитя.

– Приехали, приехали! О-о-о... Шувалов великолепен! Девчонки просто сдохнут от зависти!

Юлька унеслась встречать своего жениха. Отец тяжело вздохнул, ласково погладил меня по плечу, дескать, держись, дочка, а потом вышел вслед за сестрой.

Подошла к окну. В одном сестренка права – он великолепен. Шувалов в дорогом темно-синем костюме, с букетом цветом, небрежно зажатом под мышкой, и телефоном, прижатым к уху, стоял возле серебристого мерседеса представительского класса, о чем-то разговаривая с невидимым собеседником. Темные волосы, красивые черты лица, высокий рост, широкие плечи. А прибавьте ко всему этому великолепию цепкий ум, превосходное чувство юмора, деньги, которые имеются в избытке, статусность... Нда, настоящий принц вырисовывается. Девчонки, в самом деле, могут сдохнуть от зависти. Во всяком случае, я уже совсем близка к

этому. Сердце который раз сжалась в груди, выплескивая в организм дозу отравленной желчью крови. Она все внутри разъедает завистью, слепит ненавистью, отравляет тоской, сводит душу болью. Тише, Танечка, не плачь... Не смей плакать, слабачка!

– Алло, Саш, прости, но я сегодня не смогу приехать, живот тянет и, вообще, не очень хорошо себя чувствую. Папа с Денисом настаивают на консультации с врачом и полным покое. Надеюсь, ты не обидишься, если я не буду присутствовать на твоей второй свадьбе.

Звонила Мила – моя бывшая жена и очень близкий мне человек.

– Ничего, Мил... даже хорошо, что ты не станешь участвовать в этом балагане.

– Саш, а ты зачем в нем участвуешь?! Кому и что пытаешься доказать?!

Заскрежетал зубами... Если бы я знал, кому и что... И скорее, не доказать, а наказать... Себя – за глупость, Юльку – за подлость, Таню – за упрямство. Возможно, таким образом, наказывая всех и вся, я совершаю еще большую глупость. Похрен!.. Теперь мне все равно... потому что свою идеальную женщину, свою Розу, я уже безвозвратно потерял.

– Мил, не капай на мозги, мне и так хреново, кроме того, сейчас уже поздно отступать...

Иначе я буду выглядеть в прекрасных глазах Тани Лазаревой еще большим поганцем, решившим основательно поиздеваться над их семьей. Впрочем, с ролью мерзавца я уже почти свыкся, даже предвкушаю толику наслаждения от своей дальнейшей актерской игры. Все эти два с половиной месяца сидящие внутри боль и отчаянье просили, требовали какого-то выхода. В том числе доставить ответную боль... всем без разбора, особенно ей – моей прекрасной Андалузской леди. Лучше видеть муку в темных очах, упиваться осознанием, что я причина ее страданий, чем наблюдать за презрением, застывшим маской на любимом лице. Да лучше ненависть, чем презрение. Ведь говорят: «от ненависти до любви один шаг». А от презрения?.. По моим представлениям, целая пропасть...

– Саш, ты меня слышишь?!

– Нет, Мил, признаться, пропустил, задумался. О чем ты говорила?

– Да неважно. В любом случае, я желаю тебе счастья. Надеюсь, когда-нибудь ты будешь счастлив.

Возможно... Когда боль в сердце утихнет, а свое отражение в зеркале перестанет вызывать тошноту и желание хорошенько настучать себе по роже.

– Спасибо, Милочка. Я тоже на это надеюсь, береги себя и малыша.

Ну, здравствуй, улица Троицкая дом десять. Эх, совсем другую невесту я хотел отсюда забрать и сделать навсегда своею. Посмотрел в окна квартиры на шестом этаже, сердце сжалось болезненным ершистым комком, потому что за стеклянной гладью окна мне почудился силуэт Тани Лазаревой. Эти два с половиной месяца она везде мне видится и практически ежедневно снится. Неужели Андалузская красавица вернулась?! Конечно, правильные упрямые девочки, даже несмотря на щекотливые обстоятельства, не станут пропускать свадьбу младшенькой горячо любимой сестренки. Черт, черт, черт!! Почувствовал себя львом в клетке, нет, скорее жертвенным бараном, перед тем как ему перережут горло... Причем баран сам, нацепив свой лучший костюм, с букетом цветов под мышкой приперся на капище, чтобы ему пустили кровь. Идиот!.. Полнейший кретин...

Мог ли я поступить по-другому?! Не участвовать в этом свадебном спектакле?! Наверное, мог... Но обстоятельство сложились, переплелись в огромный колючий клубок, который замотал меня с ног до головы, и я не видел больше выхода, да и, наверное, не хотел искать, не хотел распутывать эти утыканные шипами нити, поскольку в душе поселилось отчаянье. В голове калейдоскопом замельтешили кадры моей, к сожалению, именно моей жизни, которые предшествовали этой чертовой свадьбе...

Глава 1

Красные лепестки роз красиво падали, падали к моим ногам, вонзаясь в тело здоровенными обмазанными горечью шипами. Нет, Таня, нет! Я отказываюсь вести эту безмолвную беседу с летающими красными частичками некогда прекрасного букета. И, мне кажется, за все эти месяцы, которые мы встречались, я заслужил не этой обиженной театральной сцены, а взрослого разговора по душам. Я отказываюсь убежать в угол, как нашкодивший пес, которому дали лозинкой, точнее, кустиком колючих розочек под зад. Да, нашкодил, и, наверное, подонок, но неужели ради всего красивого и прекрасного, существовавшего между нами, я не заслужил того чтобы меня выслушали, и если будет угодно, то послали, но не безмолвно брошенными лепестками роз в окошко, а настоящим отборным матом... Так или иначе, дорогая моя миледи Лазарева, но мы поговорим. Решительно, безжалостно раздавливая своими туфлями кроваво-красные слезы нашей любви, зашагал в сторону офиса компании «Эверест». Надеюсь, Андалузская красавица – взрослая леди и не будет убежать, словно маленькая пугливая девочка... Я ведь всего лишь нашкодивший собачонок, а не злобный монстр.

Решительно открыл дверь финансового отдела фирмы «Эверест». Немного бледненькая Таня Лазарева сидела за своим рабочим столом и сосредоточенно пялилась в компьютер. Прекрасные пухлые напыленные красным губы презрительно поджаты, глазки невидяще рассматривают что-то в мониторе, только пальцы, судорожно стиснувшие карандаш, с головой выдали охватившее Андалузскую красавицу напряжение и ее знание, что именно бывший любимый мужчина потревожил тишину этого кабинета. Конечно, ведь Таня видела в окошко, как я направился к зданию, где фирма «Эверест» арендует офис, и уж конечно, учитывая обстоятельства, догадалась – шел я отнюдь не к Михаилу Евгеньевичу.

– Здравствуйте, Александр Иванович, – естественно, слова приветствия были произнесены не Таней Лазаревой, а ее коллегой по кабинету.

– Здравствуйте, – на автомате ответил я, продолжая вглядываться в прекрасное лицо Андалузской красавицы.

Блин, как же зовут Танину коллегу?! Не помню, а может быть, никогда и не знал.

– Прошу прощения, выйдите, пожалуйста, мне нужно поговорить с Татьяной Николаевной наедине.

– Да-да, конечно, – поспешно ответила девушка и, захватив дамскую сумку, скрылась за дверью кабинета.

Между нами повисло молчание, густое, напряженное, физически осязаемое, давящее тяжелым грузом на плечи. Красивая, бледная Татьяна Лазарева, все так же, словно меня нет, будто я пустое место, пялилась в этот дурацкий монитор. И мне захотелось, дабы она обратила свое внимание на такого недостойного человека, как ее бывший жених, разбить его к чертям собачьим. Интересно, Таня правда в состоянии что-то там видеть и читать?! Я же не мог отвести своего взгляда от ее красивого, млять, даже какого-то необыкновенно одухотворенного лица. Красавица!.. Надо отметить, в переживаниях старшая сестра Лазарева не менее прекрасна, чем в любви.

Сел на стул рядом с рабочим столом моей совершенной Розы.

– Танюш, нам надо с тобой поговорить, – мягко сказал я.

Посмотрела... Как вчера в коридоре своего дома обварила, опалила презрением. А я понял, какую богиню она напоминала сейчас. На меня смотрела не соблазнительница Афродита, а карающая Немизида. Черт... богиня возмездия славится принципиальностью и неотвратимостью. Такую будет трудно умаслить. Но я попробую, буду пробовать раз за разом, потому что мысль больше ее не видеть низменно отзывалась пятидесятиградусным морозом по хребту.

– Александр Иванович, я предельно четко дала вам понять всеми имеющимися в моем распоряжении средствами, на вербальном и невербальном уровне, что говорить, а уж тем более видаться, нам с вами совершенно незачем.

Танина тирада почему-то вызвала умильную улыбку, я просто не мог в этот миг ею не любоваться. Хороша, хороша, безумно хороша!

– Знаешь, Танюш, я тебя люблю даже такой колючей.

От моих слов она вздрогнула, темные глаза возмущенно распахнулись, а девичьи щеки гневно загорелись, будто я хорошенько отхлестал их руками.

– Это не любовь, Александр Иванович! – а вот голос на удивление был спокойным и ровным. – Можете называть меня ханжой, но в моем представлении настоящая любовь предполагает, прежде всего, верность.

– Таня, знаешь, в моем представлении тоже...

– Тоже!.. – вскричала Розочка, показное спокойствие мигом слетело, в темных глазах теперь плескалось, бушевало настоящим стихийным бедствием негодование. – Александр Иванович, напоминаю, моя младшая восемнадцатилетняя сестра ждет от вас ребенка. Вы хотите сказать, что не имеете к этому факту отношения?! Или, быть может, произошел еще один чудесный случай непорочного зачатия?!

– А тебе не приходило в голову, что твоя сестра могла меня попросту оболгать?!

– Не приходило, Юля привела довольно существенные доказательства вашей с ней связи.

«Полиция, может, и не поверит, твоя правда, миленький, а вот Танюшка поверит, поскольку любит свою младшую сестренку, а она у нас, как ты правильно выразился, принципиальная, вряд ли поймет такое блядство. Кроме того, в подтверждение своих слов у меня в телефоне есть фото твоей шикарной квартиры и тебя голенького, сладко спящего на огромной кровати. Помнишь, как нам было хорошо тем утром».

Черт! Сука, сука, сука! Эта светловолосая стервенка меня сделала, и деньги взяла, и с Таней разлучила. Причем, я даже не могу показать Розочке расписку, поскольку она лишь доказывает и, возможно, даже усугубляет мою вину. А казалось, так разумно себе обезопасил. Черт, ну почему я не догадался чуть раньше включить запись нашего разговора с этой светловолосой гадиной. Олух, олух ты, Шувалов, полнейший олух, тебя обвела вокруг пальца какая-то малолетняя стерва.

– Таня, понимаю, все мои слова будут звучать... хреново, очень хреново. Но млять! Это была случайность, ошибка!..

– У вас порвался презерватив?!

– Что?! Нет... то есть...

– То есть вы забыли его надеть, поскольку увлеклись процессом?!

Таня Лазарева положила меня на лопатки. Конечно, у нее острый ум и жалящий язык.

– Танюш, тебе бы в судебных заседаниях обвинителем работать. Нет, все произошло не совсем так, но боюсь, правда выглядит еще глупее, я думал, что сплю, Юлька во сне на меня залезла.

Презрения в глазах Андалузской красавицы только добавилось.

– Александр Иванович, для того чтобы моя сестра залезла на вас спящего, как минимум, нужно было вместе ночевать. И прошу меня извинить, но больше я ничего не хочу слушать о ваших постельных играх, а также не намерена дальше терпеть ваше присутствие.

Розочка выскочила из-за стола, направляясь к двери... Бегом поднялся со стула, преграждая ей дорогу.

– Она попросилась переночевать, мотивируя это тем, что ей некуда идти, поскольку дома сестренка с мужиком кувyrкается.

– Действительно, мог бы придумать что-то более правдоподобное, – натянуто рассмеялась Таня. – Отойди!

Ну хоть на «ты» перешла, и то радость. Блин... стал размягченным, словно желе... Она рядом, в полуметре, только руку протяни. Пальцы зачесались, желая дотронуться до моей Андалузской красавицы, кожа загорелась, мечтая ощутить тепло любимого тела, ноздри затрепетали, пытаясь втянуть в себя нужный, как кислород, запах ее духов.

– Тааня-я-я... – захрипел призывно я.

Пальцы сами по себе легли на тонкую девичью талию, подтаскивая свою идеальную женщину поближе к себе. Розочка уперлась руками в мою грудь, прожигая теплом своих ладоней кожу, ребра и сжимая болезненно-сладким спазмом сердце. Внутри непонятное сочетание душевной муки и блаженства.

– Пусти... – хрипела, билась в моих медвежьих объятьях, словно в силках, Таня Лазарева.

– Не могу, Таня, не могу тебя отпустить.

Ладони лишь сильнее сжались на талии любимой женщины, а губы уже тянулись к ее потрясающему пухлому рту. Запах роз ворвался в легкие вместе с болью – Таня со всей силы, насколько позволяло ограниченное пространство между нашими телами, двинула меня в бок, а потом еще хорошенько приложила мощной оплеухой по щеке, так что моя дурная головушка дернулась в сторону. Но пальцы словно задеревенели на ее талии, не желая, даже несмотря на боль, отпускать свою Андалузскую леди.

– Танечка, девочка, я не могу без тебя...

Она замерла, застыла в моих объятьях прекрасной неживой статуей. Всего лишь на несколько секунд, потом я отлетел к двери кабинета, поскольку каменные руки моей Розы со всей силы ударили меня в грудь. Толчок был резкий, неожиданный, а я размягченный, опьяненный ее близостью, поэтому выпустил Таню из своих объятий. Откуда в такой хрупкой женщине столько силищи?

– Не смей меня касаться, слышишь, не смей!! Даже взглядом, даже словом, даже дыханием!

Ее слова вонзались в меня ядовитыми дротиками. Млять! Как больно-то! Причём везде, по всему телу. А Таня такая красивая в этот миг, глаза горят ведьмачьим блеском, пухлые губы на бледном лице выделяются манящей краснотой, ноздри гневно трепещут... Она двинулась к двери, собираясь уйти, убежать от меня. Схватил Таню за предплечья, не позволяя ей выполнить этот маневр, и снова получил кулаком под дых. Да что же это такое?! Почему все семейство Лазаревых постоянно использует мое тело в качестве боксерской груши? Конечно, ты ведь «паршивец» и «дерьмо». Блин, не привык я чувствовать себя гадом, всегда старался жить по совести, так, чтобы отцу не было за меня стыдно. Как тогда, на базе отдыха «Озерная соната», стал превращаться во взбешённого напористого медведя. Из горла от боли и возмущения невольно вырвался рык, мне надоело изображать роль мальчика для битья. Крепко прижал руки своей непокорной Розы по обе стороны идеального стройного туловища, развернулся, впечатывая спину Андалузской красавицы в дверь.

– Пусти! – снова шипела Таня.

Наклонился близко-близко к ее прекрасному злющему личику.

– Моя милая Роза, разве тебе не говорили – драться нехорошо. И вообще, сила женщины в ее слабости.

– Пусти, мать твою! Какого черта распускаешь руки! – продолжила активно вырываться строптивница.

– Танюш, ругаться тоже нехорошо, – почти мягко пожурил ее я.

– А трахаться сразу с двумя сестрами это хорошо-о-о, это настоящий мужской поступок! Так по-твоему?!

– Млять, Таня, я не знал, что она твоя сестра... Послушай меня, пожалуйста.

– Не хочу тебя слушать, не могу тебя слушать! Отпусти меня немедленно.

– Таня, это была случайность, ошибка!..

Острый каблук впечатался в мою ногу... Тихонько охнул прямо в женские пухлые губы и, пытаясь справиться с болью, чуть сильнее сжал хрупкие плечи Тани Лазаревой. Это не розочка, а кактус какой-то, куда ни дотронься, везде чертовски больно.

– Александр Иванович, мне не нравится, что отец моего будущего племянника или племянницы постоянно называет его, ее, случайностью и ошибкой.

– Танюш, понимаю, звучит кощунственно, но это правда... И знай, я только тебя люблю... с первого взгляда, брошенного в коридоре фирмы «Эверест», влюбился полностью и безоговорочно.

Она, словно боец без правил, ударила меня лбом по носу. Черт! Из глаз потоком побежали слезы, из горла невольно вырвался рев обиженного взбешенного медведя.

– Млять, Таня, ты переходишь все границы! Пользуешься моими чувствами и моим хорошим воспитанием, не позволяющим ответить тебе подобным же образом.

– Это вы, Александр Иванович, переходите обозначенные границы, я ничего не хочу слышать о вашей похабной любви!.. И неоднократно говорила вам не приближаться. Между нами все и навсегда закончено.

Бесполезно, она меня не слышит. Чертова упрямая Джейн Эйр! Но страх разлуки с этой злючкой мгновенно выхолодил злость. Нет, красавица, не боюсь я твоих колючек, можешь драться, кусаться, главное, чтобы рядом была.

– Танечка, прости!.. – чуть ли не заскулил я, с мольбой заглядывая в ее шоколадные глаза, – девочка моя, пожалуйста, прошу тебя, не разрушай наши жизни.

Загребастал ее лицо в свои ладони, прикоснулся губами к широкому упрямому лбу моей Розы. Стал покрывать ее кожу быстрыми торопливыми поцелуями.

– Красавица моя, только тебя люблю... Танечка.

С пухлых губ сорвался едва слышный всхлип. Вдохнул ноздрями запах роз любимой женщины, продолжая стонать ей в губы:

– Только ты мне нужна... только ты...

Она не отвечала на поцелуи, но под напором моих губ, в моих требовательных объятьях разомлела и наконец-то перестала вырываться.

– Девочка любимая, – продолжал шептать я страстным шепотом в миленькое женское ушко, – ненаглядная, моя совершенная Роза, сладкая...

Из красивого соблазнительного рта отчетливо вырвался стон, сексуальный хрип поражения, который прошелся приятным жаром по замороженному страхом телу, отозвавшись ликованием в душе. Андалузская красавица любит меня... Она МОЯ, МОЯ! И если любит, то простит, любимому человеку многое можно простить.

Продолжил атаковать свою Розу всеми имеющимися в моем распоряжении средствами: ласковыми словами, горячими губами и жадными руками, крепко сжимающими ее податливое сейчас тело. Я не дам Тане опомниться.

– Только тебя люблю... Ты моя идеальная женщина, – шептал блаженно я. – А-а-а! Епть! Что за?! – блаженство сменилось стремительно ворвавшейся в организм болью, адской болью, скрючившей меня замысловатой буквой «зю», сжавшей так, что невозможно сделать даже крошечный глоток воздуха.

Жестокосердная Таня Лазарева резко подняла коленку вверх, безжалостно припечатав ею мои яйца, затем со всей силы отпихнула мое согнутое в три погибели тело, освобождая себе путь к двери.

На выходе обернулась.

– Александр Иванович, есть поступки, которые невозможно забыть и простить.

На ее прекрасном личике опять читалось презрение, а еще, пожалуй, немного высокомерия от осознания своего морального превосходства. Посмотрела так, словно я «дерьмо», валяющееся у ее ног. Всего секунда и моя идеальная женщина, моя Андалузская красавица,

негромко цокая каблуками, ушла куда-то по длинному коридору фирмы Эверест, вон из моей жизни.

Млять, млять, млять! Да млять же!.. Какого хрена мне теперь делать?!

– Алло, здравствуй, милый! – голос Ля-ля-ля был игрив и весел. – Надеюсь, ты рад новости. Поздравляю тебя, Алекс, ты скоро станешь папочкой. Тебе уже за тридцать, самое время заводить детей.

Который раз изумился ее наглости и беспардонности.

– Это действительно мой ребенок? – задал я вопрос вместо приветствия.

– Конечно, твой, разве можно врать в таких серьезных вопросах... Саш, я так рада, скоро появится наш малыш, плод нашей любви.

О чем она говорит?! Какой любви?! Даже звук ее голоса вызывал во мне отторжение, ведь из-за этой гадины я потерял свою прекрасную Розу, свою идеальную женщину. И кто ей разрешил... звать меня так фамильярно «Сашей».

– Обожаю тебя. Ты счастлив, милый?!

Счастлив?! Охренеть, мне выть хочется, во мне каждая клетка болит, и не только в тех местах, куда попадали кулаки Николая Алексеевича и удары злючки-колючки Андалузской красавицы.

Ля-ля-ляшка или юродивая, или в открытую надо мной издевается... Причем, больше похоже на второе.

– Какого хрена ты не рассказала об этом сначала мне?! – повысил немного голос, да что там, заорал, словно потерпевший.

– Какого хрена, какого хрена... – передразнила Юля. – Разве ты не понимаешь – этот ребеночек очень важен для меня... Я боялась, что ты станешь настаивать на аборте.

Определенная логика в ее поступке была, приди она первой ко мне, скорее всего, я потащил бы Юлю в клинику, дал денег, много денег, но вряд ли допустил рождение этого дитя. Только млять!.. Я уже давно хочу ребенка... и до сих пор себя виню, что допустил прерывание беременности с Милой.

Заорал в трубку:

– Важен?! Нахрена тебе ребенок в восемнадцать лет!!

– Ну как же, миленький, – промурлыкала красавица-блондинка в ответ, нисколько не испугавшись моего грозного рыка, – это ведь ребенок от любимого мужчины.

– Что ты от меня хочешь?! – снова бесился я.

– Ты же настоящий принц, Шувалов, хочу, как в сказке, чтобы жили они долго и счастливо. Со мной, а не с Танечкой.

Маленькая завистливая крыса!

– Ты больная, тебе нужно показаться психиатру. Откуда такая зависть к старшей сестре? Что она тебе плохого сделала! Я не понимаю...

– Ничего не сделала, просто такое случается в жизни, люди влюбляются в одного и того же человека.

– Ты меня совсем не знаешь?! Каким образом могла возникнуть любовь? Что за лапшу ты вешаешь мне на уши?!

– Ну почему же, немножко знаю, даже довольно близко, в постели ты настоящий тигр. Мурр... – ласково пела Ля-ля-ляшка в трубку мобильного телефона, а меня чуть ли не наизнанку вывернуло.

– Послушай сюда, Юля, ты не выполнила условия, которые были в расписке. Не боишься, что я потребую назад деньги, вместе с обозначенной суммой компенсации, и потом брошу тебя с ребенком на произвол судьбы?

Юля замолчала, запыхтела в трубку. Видимо, такая мысль не приходила в ее прелестную головку.

– Я подам на алименты, миленький.

Загоготал в трубку словно конь.

– Для начала тебе нужно будет доказать, что отцом твоего ребенка являюсь именно я, а это не простая, к тому же довольно дорогостоящая процедура. Суд не такой доверчивый, как твоя старшая сестра, он потребует доказательства того, что у нас были отношения. За исключением фотки, у тебя нет никаких улик. А на той фотографии, помнится, я сплю голый в своей постели, один, а не в обнимку с тобой. Кроме того, я ведь могу все активы, собственником которых являюсь, переписать на маму или сестру, а себе как генеральному директору компании "Стройинвест" назначить зарплату в пять-шесть тысяч рублей. Как думаешь, даже если суд определит тебе алименты в размере пятидесяти процентов от размера моего заработка, ты проживешь с ребенком на сумму в две с половиной тысячи рублей?

– Нет, ты так не поступишь?! – зло прошипела блондинка в трубку мобильного телефона.

– Почему нет, Юленька?! – стал давить я. – Ты разрушила мое счастье. И думаешь, что я буду выполнять твои больные мечтания?! Не стоит принимать меня за лоха.

– Да какое счастье с отличницей Таней, со мной тебе будет во сто раз лучше.

Похвальная, тошнотворная самоуверенность.

– Кроме того, я ношу под сердцем твоего ребенка, – напомнила светловолосая.

– Этот вопрос еще требует подтверждения. Насколько я успел заметить, ты молодая да ранняя пташка.

– Зачем ты так говоришь, миленький! У меня был только один парень, причем до тебя, мы с ним трахались всего-то пару раз.

– Так ведь мы тоже всего пару раз, отчего такая уверенность, что именно я отец твоего ребенка?

– Сашенька, но я ведь сказала до тебя?!

– Млять, не называй меня «Сашенькой»!

– А как назвать?!

– Лучше вообще никак...

– Какое длинное имя, боюсь, я не запомню, миленький! – иронизировала стервёнка Ля-ля-ля.

Юмористка, блин.

– А вот твое имя, «маленькая белобрысая гадина», я навсегда запомню...

– Ну, зачем ты так грубо с мамой твоего будущего малыша?

– Я сообщу о месте проведения теста на отцовство.

– Андрей Анатольевич, знаешь что, установи-ка опять слежку за Юлей Лазаревой. Надо узнать, чем дышит эта блондиночка.

Начальник службы безопасности компании «Стройинвест», которого я вызвал после звонка Ля-ля-ляшки к себе на ковер, выглядел озадаченным.

– Что за дела у тебя с этой светловолосой? – не смог он сдержать своего любопытства.

У меня не просто дела, у меня, возможно, с ней скоро будет совместный ребенок. Но вслух об этом не стал говорить, лишь нервно протарабанил пальцами по столу.

– Неважно, найди ребят, чтобы понаблюдали за Юлей, куда она ходит, с кем общается. Но в этот раз нужна обычная, а не агрессивная слежка. Пусть блондинка не знает о том, что ее пасут.

– Я, конечно, не понимаю твоего интереса к сестрице твоей зазнобы, но людей найду. На какой период надо установить наблюдение?

– Пока не знаю, пусть просто следят и составляют отчеты. Вдруг они нароют что-нибудь интересное.

– Интересное?– удивленно спросил Андрей Анатольевич. – Слежка будет более продуктивной, если знать, на какие моменты нужно обратить особое внимание. Что именно тебе интересно, босс?

По большому счету, Юля мне совсем безынтересна, но учитывая тот факт, что меня хотят несколько преждевременно сделать отцом, надо бы немного разузнать о будущей матери своего ребёнка.

– Пока не знаю, может в процессе слежки пойму.

– Наталья Павловна, добрый день! Мне посоветовали вас как очень хорошего специалиста в вопросах проведения тестов ДНК и генетики.

– Шувалов Александр Иванович, кажется?

Передо мной сидела женщина лет сорока. Лицо умное, сосредоточенное, даже немного строгое, одета она была, как и полагается докторам, в туго обхватывающий крепенькую фигуру кипельно-белый халат.

– Да, все так. Мне нужна консультация по поводу проведения дородового теста ДНК на отцовство.

– Конечно, проходите, присаживайтесь.

Сел напротив серьезной докторши в довольное удобное кожаное кресло.

– Сколько недель беременности у будущей мамочки? – задала вопрос Наталья Павловна.

– Немного, всего шесть-восемь...

– Александр Иванович, существуют два основных метода проведения ДНК текста во время беременности, инвазионный и так называемый неинвазионный. Инвазионный предполагает извлечение тем или иным способом из плодного пузыря генетической информации ребенка. В нашем центре его проводят двумя основными методами. Первый – это на сроке шестнадцать-двадцать четыре недели острой длинной иглой, – брр, даже представлять подобное было не очень приятно, – делается пункция, то есть прокол брюшной стенки и плодного пузыря с целью забора небольшого объема амниотической жидкости околоплодных вод, содержащих ДНК ребенка, также выявляются профили ДНК матери и предполагаемого отца. Конечно, этот путь несет в себе определенные риски, связанные с инфицированием плода и невынашиванием беременности, но при современных способностях медицины они сведены к минимуму, где-то один процент из ста случаев.

– Шестнадцать-двадцать четыре недели, – недовольно пробормотал я, – а на более ранних сроках тест нельзя проводить?

– Можно, – тут же обрадовала Наталья Павловна, – это как раз второй способ инвазионного метода определения отцовства, так называемая биопсия ворсин хориона – оболочки плода. Она проводится оптимально с девятой по двенадцатую неделю беременности, но допустимо с восьмой по четырнадцатую неделю, то есть ещё во время первого триместра, что, возможно, является, преимуществом данного метода. Его делают с помощью специального шприца, которым прокалывают брюшную стенку и матку. При этом изымается часть околоплодной жидкости вместе с ворсинками наружной оболочки зародыша. Процедура, чтобы не допустить повреждение плода, в обязательном порядке проводится с помощью аппарата УЗИ. Риск потенциальных осложнений после такого вмешательства увеличивается, но не так уж велик, всего два-три процента.

Потер руками виски... Последнее время у меня постоянно болела голова.

– Наталья Павловна, девушка совсем недавно находилась в больнице на сохранении, как мне сказал ее лечащий врач, была угроза самопроизвольного аборта...

Доктор на секундочку задумалась.

– Тогда простите, но я бы не рекомендовала делать биопсию, если у девушки уже есть проблемы, риски потери плода существенно увеличиваются. Лучше подождать, посмотреть за ходом протекания беременности. Кроме того, более точные результаты ДНК теста получают, если его делают на двадцать четвертой неделе беременности. А еще лучше, – Наталья Павловна мягко улыбнулась, – дожидаться рождения ребенка, тогда не будет никаких проблем.

– Слишком долго ждать, – скривился я.

– Есть еще неинвазивный метод. Он вообще не несет в себе рисков для беременности, поскольку делается по венозной крови матери начиная с седьмой недели беременности. Но, к сожалению, у нас в клинике его не производят. Мы можем только взять генетический материал и передать его для изучения. И, конечно, данный метод стоит гораздо дороже, поскольку это канадская технология и, насколько я знаю, в России нет учреждений, делающих тест на отцовство подобным образом.

– Деньги не проблема. Меня интересует другой аспект, какова достоверность этого теста?

– Они не дают стопроцентной гарантии, скорее, больше указывают на возможность отцовства, чем категорически его подтверждают или опровергают. Причем если, допустим, сдать генетический материал двух предполагаемых отцов, то достоверность этого анализа существенно возрастает.

Усмехнулся. Ага, кто мне даст генетический материал другого. Юля ведь уверяет, что я один такой – тигр в постели и придурок по жизни.

– Правда, после рождения ребенка, эта лаборатория абсолютно бесплатно делает повторный тест для подтверждения своих первоначальных выводов.

– Канада далековато. Как долго по времени ждать результатов?

– Они уверяют, что анализ делается максимально до пятнадцати календарных дней... При современных методах доставки, генетический материал будет в канадской лаборатории уже на следующий день.

Пробарабанил пальчиками по столу.

– Мне подходит, прошу, свяжитесь с этой лабораторией. И, Наталья Павловна, большое спасибо за такую подробную информацию по этому вопросу.

Глава 2

Мишка сказал, что Таня Лазарева больше не появлялась на работе. Хотя через несколько дней прислала ему детально просчитанные отчеты по тем делам, которые находились у нее в разработке. Белов опять пригрозил хорошенько настучать мне по роже, если я не верну его лучшего финансового аналитика назад в фирму «Эверест».

Об этом мы так и не поговорили с ней прошлый раз. Все вылетело из головы, когда я увидел свою Андалузскую красавицу, также не коснулись вопроса состояния здоровья ее отца, да и других существенных тем. Я много чего не сказал, потому что она, ослепленная болью и своим негодованием, не хотела меня слушать... Пошевелил затекшими ногами, вот уже три часа я сидел в неприметной темной машине во дворе семейства Лазаревых, пытаюсь дожидаться появления своей Розы. До этого пару раз поднимался на шестой этаж и звонил в дверь квартиры, но открыть мне не желали, возможно, никого не было дома, а скорее всего, заведя в глазок мерзавца Шувалова, Таня решила промолчать, подержать его подольше у порога своего дома.

Потом с работы пришел Николай Алексеевич, чуть позже откуда-то вернулись Эльвира Тимофеевна вместе с белобрысой гадиной Ля-ля-ля. Последняя выглядела очень хрупкой истройной. Неужели действительно где-то внутри ее живота растет мой ребенок?... Мой?! Ну почему так? Почему беременной оказалась совершенно не та женщина?! Если бы в положении находилась Таня, я, наверное, прыгал бы до потолка, как индюк, надувался от переполняющих меня гордости и радости, а мою Розу только на руках носил, пылинки сдувал, и постоянно, будто разговаривая со своим сыном или дочкой, гладил ее животик. Если бы...

Просидел почти до десяти вечера, правда, пришлось ненадолго, минут на десять, чтобы справить нужду и купить себе что-нибудь перекусить, навеститься в небезызвестное кафе «Лидия», где, помнится, мы мирились с моей колючей леди первый раз. Интересно, а во второй раз возможно примирение?! В гостиной – комнате Тани Лазаревой, окна которой выходили во двор, свет зажегся лишь ненадолго. Значит... ее нет дома. Но где она может ходить в такое время? А главное, с кем? Или же Таня уехала?! Блин, я не готов к ее отъезду, мне жизненно необходимо еще раз поговорить с Адалузской красавицей и теперь постараться не лезть к ней с поцелуями, не распускать руки, а тихо и спокойно рассказать, как все произошло, обсудить все возникшие вопросы, заверить Таню в своей любви. Сказать, что если этот ребенок мой, то я его никогда не брошу и постараюсь стать ему хорошим отцом. Только предоставят ли мне такую возможность?!

– Папа, ты должен пойти и поговорить с Шуваловым, чтобы он женился на мне, – настаивала светловолосая девушка. – Ведь ты всегда заявлял, что каждый должен нести ответственность за свои поступки.

– Нет, Юль, я не пойду на поклон к этому богачу-паршивцу, проехавшемуся танком по нашей семье, прося: «Женись на моей дочери». Сами воспитаем ребенка без его гребаных миллионов...

В глазах светловолосой красавицы на миг отразилась растерянность.

– Папа, да что ты говоришь такое?! – немного истерично вскричала она. – Алекс – отец моего ребенка. Почему мы сами должны его воспитывать?! Кроме того, разве ты не хочешь, чтобы твои внуки жили достойно?

– Они и будут жить достойно, учиться, работать... как все люди. А миллионы только лишь расхлаживают, появляются вон такие моральные уроды, для которых нет ничего святого. Спал сразу с двумя сестрами, одной сделал предложение, а другой – ребенка. Скотина! –

руки Николая Алексеевича невольно сжались в кулаки, желая опять хорошенько пройти по морде человека, поступившего так ужасно с его дочерьми, предавшего умницу Таню.

Голубоглазая девушка кусая губы и ломая пальцы забегала по комнате.

– Нет, папа, так нельзя!.. Это ведь все из-за Тани?! Да?! Ты не хочешь, чтобы она расстраивалась. Так?!

– Нет, просто мне будет противно видеть такого человека своим зятем. Я не хочу родиться с семьей буржуинов Шуваловых.

– Ой, папа... вот только не надо показывать эту свою липовую коммунистическую гордость, – возмутилась блондинка. – Все дело в том, что вы только Таню всегда любили, поэтому тебе посрать на то, что будет со мной и ребенком.

– Как ты разговариваешь с отцом?! – на шум из кухни прибежала Эльвира Тимофеевна. – Что у вас тут происходит?!

Блондинка не обратила внимания на слова матери.

– Ах, Таня такая хорошая, умная, ответственная, бери с нее пример. А ты только умеешь, что болтать и тусоваться, – продолжила она визгливо выкрикивать свои претензии отцу. – Ах, Таня с медалью закончила школу, давай, Юля, учись, не подводи семью. Как вы меня достали своими нравоучениями!

– Юляш, ну зачем ты так, – вступила в разговор Эльвира Тимофеевна, – мы разве не любим тебя?! Все для тебя делаем, каждую копейку отдаем на твое образование, в кредит залезли, чтобы ты могла учиться в одном из самых лучших вузов страны на том факультете, о котором мечтала, хотя папа изначально был против, не считая журналистику достойной профессией... Да мы во всем себе отказываем, чтобы ты была довольна и чего-то достигла в жизни.

– Разве это не обязанность родителей?! – кричала не своим голосом Юля. – И представляете, дорогие мои родственники, я тоже скоро стану мамой и хочу, чтобы мои дети жили обеспеченно. Не считали ничтожные копейки, могли путешествовать по всему свету, заниматься с репетиторами, носили качественную одежду, а не китайское барахло, не чувствовали себя вторым сортом, как я, ведь мои одноклассники одеваются сплошь по бутикам и ездят на занятия на личном авто. Мне похрен на вашу гордость!.. Слышишь, пап, похрен!! Ты должен пойти и поговорить с Алексом по-мужски.

– Можно подумать, что тебе только деньги нужны?! – обескураженно пробасил отец блондинки. – Я всегда говорил: «Деньги – это навоз». Они не самое важное в жизни. Главное – жить по совести.

– Нет, не только деньги, папа, но блин... я хочу, чтобы мой ребенок родился не убоишкой, а в законном браке. Кроме того, я очень люблю Алекса, он мой принц... Вы же, боясь расстроить свою ненаглядную Танюшу, думаете помешать нашему счастью.

– Юлечка, он поступил по-сволочному с вами обеими... Что за бред ты болтаешь?! – возмутилась мама юной блондинки.

Но младшая сестра Лазарева была не в состоянии слушать родителей, руки ее тряслись, лицо перекошилось в неконтролируемом приступе злости.

– Я его люблю! Он мой мужчина!.. Ясно, мой! А вот вы никогда меня не любили, никогда, только Таню. На мое счастье вам начхать с большой колокольни. И учиться вы меня отправили, чтобы галочку поставить, дескать, мы хорошие родители, в такой престижный университет дочку определили.

– Ах ты, неблагодарная дрянь! – ревел Николай Алексеевич. – Разве не твоя мечта была учиться в этом университете? Не смей так говорить с родителями, дура! Что ты себе позволяешь! Совсем от рук отбилась...

От негодования лицо Николая Алексеевича покраснелось, на лбу выступила испарина.

– Конечно, я дура, вертихвостка! А Таня, умница и красавица... Тане больно... Ее жених предпочел трахать младшенькую сестричку. Так пусть теперь все страдают. Конечно, меня и

моего ребенка можно пустить в расход. У такой глупой курицы, как я, вряд ли кто-то стоящий родится. Вы так считаете?!

– Юля, немедленно успокойся! И ты, Коль, тоже держи себя в руках... у тебя ведь давление и сердце, – попыталась примерить родных Эльвира Тимофеевна.

– А у меня, мама, ребенок под сердцем. Но вы продолжаете делать все, чтобы я плакала и страдала, хотя доктор сказала, что мне нельзя волноваться.

– Юля, – Николай Алексеевич постарался говорить более спокойным тоном, – Таня тут совершенно не при чем.

– Ах не при чем! Разве она не твоя любимица, папа?! Скажешь по-другому? – вопросительно уставилась на отца Юля, а тот виновато отвел глаза. – А я вам только проблемы всегда доставляю, и моего ребенка вы тоже не будете любить. Замучите своими наставлениями... Как вы мне надоели! Меня от вас тошнит, от вас и вашей ненаглядной Танечки... Да пошли вы все! – совершенно не жалея родителей, истерично орала блондинка.

– Юля, не носи чепуху. Я вас обеих люблю! И мама тоже.

– Ха, любишь! – зло иронизировала прекрасная блондинка. – За Таню ты бы любого урыл, а ради меня и пальцем не хочешь пошевелишь. Что тебе стоит сходить к Шувалову и заставить на мне жениться! Ведь Алекс – отец моего ребенка.

– Юлька, да кто мы такие, чтобы заставить кого-то жениться?! Ты себя слышишь? Он здоровый богатый мужик. Что за бред ты несешь? – удивлялась Эльвира Тимофеевна.

– Я не хочу, чтобы мой ребенок был ублюдком... – упрямо повторяла Юля. – С Таней вы бы совсем по-другому разговаривали, вы всегда с ней по-другому говорите. А со мной только как с мешающей вам дурочкой. Знаешь, что, папочка, – злая плачущая блондинка обвинительно стала тыкать в отца пальцем. – Если ты не пойдешь к Шувалову... я покончу с собой и этим никому не нужным ребёнком. Так и знай, папочка!

– Юленька! – всплеснула руками мама. – Да что ты такое говоришь? Как ты можешь?!

На светловолосую фурию было страшно смотреть... Она вся тряслась, заплаканные голубые глаза горели ненормальным истеричным блеском. Эльвира Тимофеевна подскочила к дочке, попыталась обнять девичьи худенькие плечи, но та лишь грубо оттолкнула мать, опрокинула стоящий рядом с ней стул, потом сбросила находящиеся на маленьком компьютерном столике письменные принадлежности.

– Дочка, успокойся! – хрипло сказал побледневший Николай Алексеевич, а его рука потянулась к левой стороне груди, где опять начинало гореть и болеть.

– Я не могу успокоиться, папа! Нахрен перережу себе вены! Или повешусь, наглотаюсь снотворных! Пусть все знают, что от вашей родительской любви, точнее равнодушия, младшая дочка наложила на себя руки... И у вас останется только одна, идеальная во всех отношениях дочь. Тогда вы будете довольны!

Николай Алексеевич обессиленно опустился на диван.

– Коленька, тебе плохо?! – встревоженно подскочила к нему Эльвира Тимофеевна.

– Конечно, ему плохо, он чувствует свою вину! Отец только Таню любит, она ведь так похожа на его ненаглядную покойную мамочку. А будет еще хуже, когда поймет, что именно из-за его равнодушия, малодушия и гребаной никому не нужной гордости, покойниками станут дочь и еще не рожденный внук. Ты ведь этого хочешь, папочка?! Чтобы нас не было и мы тебе не мешали жить порядочно! Ты жалкий трус, прикрывающийся принципами, который не может защитить свою дочку. Да и вообще неудачник... Вон дядя Сережа, твой одноклассник...

Злую истеричную речь блондинки прервал звук пощечины – это Эльвира Тимофеевна, возмущенная нелестными словами в адрес мужа, ударила дочку.

– Не смей так разговаривать с отцом!

Юля ошеломленно схватилась за щеку, в комнате на миг повисла тишина.

– Вот как, мамочка... – зло прошипела красавица-блондинка. – Вот как... Тебе я тоже никогда не была нужна. Меня никто не любит в этой семье!..

Теперь бледнела Эльвира Тимофеевна, а отец светловолосой девушки, пытаясь справиться с нарастающей сердечной болью, продолжал растирать ладонью левую часть груди.

– Юля, я не хотела... – извиняюще шептала мама блондинки, – тебя надо было в чувство привести... У тебя истерика, ты говоришь полный бред. Мы все тебя любим, особенно Таня, постоянно с тобой возилась, когда ты маленькой была...

Но дочка ее не слушала, со злостью оттолкнула протянутые к ней материнские руки и выскочила из комнаты...

– Ко-о-оля-я-я, – присела Эльвира Тимофеевна на диван рядом с бледным мужем, из ее глаз полились слезы, – Коля, что делать?

– Не знаю, Эль, не знаю... – устало произнес мужчина, продолжая тереть горящую грудь.

– Коль, ты совсем бледный, испарина по телу пошла. Давай, я скорую вызову...

– Нет, Эль, принеси мне таблетки и пойдешь успокой Юльку... Как бы она и правда чего не наделала, совсем не в себе. Откуда взялся на нашу голову этот богатый паршивец. Су-укин сын, все разрушил...

Их разговор прервал шум, наспех одетая блондинка выскочила из своей комнаты и бросилась к входной двери.

Эльвира Тимофеевна мигом выбежала в коридор.

– Юль, ты куда собралась?!

– Подальше от вас!

– Не смей уходить, дочка! Я никуда тебя не отпущу... Тебя нельзя уходить в таком состоянии. Вон, ты вся трясешься.

– Боитесь, что я с собой что-нибудь сделаю?! Правильно боитесь! Раз самые близкие люди не хотят для меня счастья... мне тоже такая жизнь не нужна.

Младшая сестра Лазарева стала открывать дверь, но мать повисла на ее теле, мешая уйти...

– Юленька, прошу тебя, голубоглазка моя родная, ну что ты, успокойся... Думай о ребенке.

– О ребенке, мама?! – вскричала блондинка. – Его никто не хочет, меня никто не любит... Всем будет лучше, если мы вообще перестанем существовать! Вы как ни в чем не бывало продолжите и дальше жить достойно, успокаивая себя тем, что не переступили через свою гордость. Это ведь такое страшное унижение для папы – пойти поговорить с мужчиной, который заделал его дочери ребенка.

– Надавать бы тебе по заднице за такие слова... Натворила делов, а теперь истеришь, надо было думать головой, а не одним местом, – начала злиться Эльвира Тимофеевна, не давая юной блондинке выскочить на улицу.

Из гостиной появился бледный державшийся за левую сторону груди Николай Алексеевич, чтобы не упасть, он схватился за косяк двери.

– Юля, не уходи, – наконец тихо пробасил он. – Я-я поговорю с Шуваловым... Если он отец этого ребенка, то должен наравне с тобой нести за него ответственность. Но ты должна понимать, он слишком большой и слишком богатый мальчик, чтобы я мог на него повлиять.

– Как ты там, Танюша?!

– Все хорошо, мамуль. Люда взяла отпуск, и мы теперь целыми днями посещаем музеи и выставки, а в Питере их столько, что можно еще недели три не беспокоиться о досуге.

Тут я, конечно, покривила душой, стресс и обида не отпускали, стальными обручами с колючими шипами, обращенными внутрь, обхватили мою грудь, не давая свободно дышать.

Даже достопримечательности Петербурга и его летняя красота не могли вытеснить из головы постоянно бьющуюся болью мысль: «Твой принц оказался мерзавцем». Нет у тебя больше принца, облапошенная Золушка. Нет, нет, нет... И от этого «нет» во рту скапливалась горечь, в груди нестерпимо жгло, а главное, чувствовала я себя так сиротливо, что хоть волком вой. В самом деле, какие выставки, после предательства самых близких и любимых все краски померкли, выцвели, разъелись... Теперь даже самые красивые картины самых именитых художников мира виделись мне сплошным черным квадратом Малевича.

– Что у вас нового? Как чувствует себя Юля?!

– Ох, Таня... – горестно вздохнула мама в трубку.

– Что-то случилось?!

Тревога пробежалась холодной волной по телу. Самая родная женщина, находящаяся сейчас за много километров от меня замялась, замолчала...

– Мама?! – торопила я с ответом.

– Шувалов потащил Юлю в какую-то лабораторию сдавать анализы на определение отцовства.

– Что ж, вполне предсказуемый шаг с его стороны. Меня только одно удивляет, разве на таком раннем сроке делают ДНК?! Это не опасно, мам?!

– Нет, какой-то новый метод, у Юли просто взяли кровь из вены.

– Не знала, что по крови матери можно определить кто отец ребенка, – снова удивилась я.

– Как нам объяснили, стопроцентную гарантию они не дают, однако определить вполне возможно. Танюш, позвони как-нибудь Юле. Вы были так близки в детстве, ты всегда за нее заступалась... Мужчины приходят и уходят, а вы ведь сестры, родная кровь...

– М-мама... – простонала, точнее тихим больным побитым котенком пропищала я в трубку, – п-пока не могу... Оч-чень больно. Она ведь знала, что я встречаюсь с Шуваловым, но сознательно легла с ним в постель.

Стоило мне закрыть глаза, как тотчас появлялась картинка большущей кровати с широким кожаным изголовьем, где Голубоглазка, словно наездница, скакала на моем любимом мужчине. Девичьи веки прикрыты от удовольствия, волосы с каждым движением бедер плещутся по плечам золотой волной. А мужские руки, клещами вцепившиеся в стройные бедра, помогают блондинке глубже насаживаться на себя. Воображение вовсю работало, подсовывая мне безобразные очертания прекрасных тел, слившихся в пароксизме взаимной страсти. Мерзкие тараканы тотчас выползали со всех углов подружкиной съёмной квартиры, бегом направлялись ко мне, пытаясь покрыть мою кожу своими телами, словно слоем коричневой, постоянно копошащейся грязи.

– Впрочем, Юля не так уж и сильно виновата, просто молоденькая, влюбилась в этого развратника.

– Да, наверное, не так уж сильно... – проговорила мама и замолчала. – Боюсь я за нее, Таня, она... сильно нервничает, совсем другая стала. Очень эмоциональная... даже истеричная. Я просто не знаю, что делать.

– Прежде всего, успокоиться. Это, видимо, беременность так сказывается. У Юли идет перестройка всего организма, очень часто женщины в это время бывают психованными, плачут по каждому поводу. А ситуация сложилась действительно непростая.

– Возможно, и так... – неуверенно пробормотала мама.

Совість противно заныла. Ну зачем же я уехала?! Спасаясь от своей сердечной боли, бросила в трудную минуту родителей. Слабачка... Жалкая слабачка.

– Мам, может, мне вернуться?!

– Нет, нет... Танюша, тебе необходимо развеяться. Ты только папе чаще звони, ему очень нелегко сейчас, он так любит с тобой разговаривать. И потом, когда сможешь, постарайся все же наладить отношения с Юлей.

Закончив разговор, подошла к окну, задумчиво посмотрев на пейзаж питерского двора. А в глазах произошло наложение, точнее, возникла картина подъезжающего к моему дому на ослепительном черном мотоцикле восхитительно прекрасного брутального принца. Схвати-лась за волосы... Не могу больше, не хочу больше! Ну почему я все время о нем думаю?! Хотелось расшибить свою голову о стену, вынуть из черепа мозг и вырезать к чертям собачьим ту извилину, которая постоянно возвращает мои мысли к этому гребаному изменщику-принцу. Попытаться навсегда стереть из своей памяти выпендрейника Сашку, вместе со строгим бизнесменом Александром Ивановичем Шуваловым и великолепным любовником Алексом. Уничтожить воспоминания о наших волшебных свиданиях, страстном сексе и прекрасной бакинской сказке. Навсегда, какое чудесное слово... какое ужасное слово.

Из кухни выглянула Люда.

– Ты опять грустишь, прекрасная царевна, – сказала она шутливо.

Нет, всего лишь нищенка, которой приснился прекрасный сон. И теперь мне хочется забыть то дивное сновидение, ведь после почудившихся красоты, богатства и любви очень обидно снова чувствовать себя бедной сироткой.

– Мама переживает за Юлю.

– Знаешь, Тань, я все время думаю, а вдруг твоя сестра ошибается или... сознательно врет. Мне показалась, на твоём дне рождении она странно себя вела, словно хотела тебя принизить, выставить меркантильной и неразборчивой в связях. Вспомни её язвительные комментарии.

– Вот посмотри, Люд, Юля прислала на днях, наверное, чтобы у меня не возникло даже малейших сомнений в её правоте.

Протянула подружке телефон, там было фото, где на большущей кровати с широким кожаным изголовьем спал абсолютно голый Шувалов. Удачный ракурс, показывающий широкую спину и обнаженные мужские ягодички. Юлина подпись к фото гласила: «Прости меня за все, Танюша, но перед таким устоять невозможно».

– Тебе не кажется это странным, Тань?! – возмутилась Люда. – То, что она продолжает тебя мучить. Ведь знала, видела, что ты в него по уши влюблена.

Пожала плечами.

– Что странного, Люд, просто тогда и сейчас, наверное, тоже Юля ревнует меня к Алексу... Шувалов ведь уже распределил роли для каждой сестры, мне полагалось стать идеальной женой, а Юле всего лишь на все готовой подстилкой. Но пешки не захотели играть по его правилам, одна вздумала беременеть, а вторая – обиделась и сбежала.

– Уверена, Юля специально забеременела, чтобы вычеркнуть тебя из вашего любовного треугольника.

– Какая разница, Люда, – простонала я, – конечно, Голубоглазка далеко не ангел, но для того чтобы она забеременела, они должны были состоять в интимных отношениях... Значит, значит он изменял мне. Более того, скорее всего измены постоянно происходили бы в нашем браке, не с Юлей, так с другой, другими, потому что для таких, как Шувалов, это норма. Жена, куча любовниц, наличие которых должна терпеть законная супруга, если не хочет лишиться своего статуса первой леди и связанных с этим привилегий. Мне уже объясняли эти правила жизни богатых мужчин, правда тогда предлагали быть любовницей. Но глупая наивная Золушка подумала, поверила, что ее принц совсем другой... Я отказываюсь играть по этим правилам, даже если теперь мне посчастливилось получить роль жены.

– Танюш, я не хочу защищать Шувалова, конечно, он поступил, как последняя сволочь, но если Алекс сразу же прибежал к тебе, пытаясь поговорить, позволил Николаю Алексеевичу себя избить, потом, на следующий день попытался извиниться и, мне кажется, если бы ты не уехала из города, сменив номер телефона, еще неоднократно предпринимал попытки до тебя

достучаться, тебе не кажется, все его действия говорят о том, что он любит тебя, тогда как с Юлей у них было несерьезно.

– От несерьезного не рождаются дети, Люда. И мне не нужна такая любовь, сегодня тёмненькая, а завтра светленькая.

– Тань, но ведь возможно, изменив по глупости, и прочувствовав твоё возмущение, причем на своем теле, он осознает эту ошибку и наоборот больше никогда не позволит себе вольности на стороне.

Меня прошибло током, как тогда, в последний наш разговор с Шуваловым.

«Танечка, прости!.. Девочка моя, пожалуйста, прошу тебя, не разрушай наши жизни. Красавица моя, только тебя люблю... Танечка».

От его поцелуев и ласковых слов я снова превратилась в лужу... лужу расплавленной кипящей грязи. Даже захотелось на миг поверить его оправданиям, более того, навсегда остаться в теплой жиже похабной любви Шувалова, главное – слышать ласковый шепот моего неправильного принца, главное – ощущать мужские руки на своем теле и вдыхать трепещущими ноздрями чуть терпкий запах его одеколона. Но слова про «идеальную женщину» отрезвили, эта лужа грязи была утыкана кусочками разбитых ваз, точнее, осколками моих мечтаний и острыми шипами роз отравленной любви.

Отрицательно покачала головой.

– Нет, Люда, в таком возрасте люди не способны меняться, это раз, ну а два, в любом случае, уже ничего невозможно исправить, поскольку моя сестра ждет от него ребенка. Я не могу переступить через своего племянника или племянницу.

Подружка удрученно кивнула.

– Может, тебе снова попробовать с Геной.

Мысленно содрогнулась, рот свело, словно я лимон съела. Нет, нет, каждый день ощущать уныние и скуку, каждый день тяготиться этими отношениями.

– Это уже пройденный этап, Люда...

Через силу улыбнулась.

– Вдруг где-то за поворотом меня уже ждет другой человек. Неизвестно, что нам готовит жизнь.

– Знать бы только, где этот поворот, – излишне весело начала подружка, – тоже не прочь туда наведаться, может, и меня там дожидается симпатичный умный, преданный, ответственный парень, который не имеет вредных привычек, неплохо зарабатывает и готов к созданию семьи.

Невольно засмеялась.

– Нда, о таком повороте мечтает каждая женщина.

– Александр Иванович, охрана внизу сообщила, что к вам посетитель, некто Лазарев Николай Алексеевич.

Танин отец?! Последний раз мы поговорили с ним очень душевно, только-только сошедший фингал под глазом – тому свидетельство. Неужели хочет повторить мордобитие. Или есть другие причины его появления здесь?

– Пропустите.

– Олег, давай прервемся, потом обсудим дела на заводе... Придется делать скидки, сейчас нам никак нельзя потерять компанию «Домострой», просчитай хорошенько, будет ли хоть какая-то маржа, если мы снизим и без того низкие цены.

Мой заместитель собрал документы и вышел.

Набрал секретаршу:

– Николей Алексеевич подошел?

– Да.

– Пусть проходит.

Вскоре дверь моего кабинета открылась, впуская плотную фигуру главы семейства Лазаревых. Подскочил со стула, негоже разговаривать с Таниным отцом, вальяжно развалившись в кресле, он меня и так на дух не переносит.

– Здравствуйте, Николай Алексеевич.

Тот промолчал и не пожал мою протянутую для приветствия руку. Млять, ну конечно же, я ведь «паршивец» и «дерьмо». Придурок, зачем только руку совал, нужно было ожидать такой реакции. Впрочем, инстинктивно получилось, привык за сколько лет работы здороваться за руку с мужчинами, входящими в этот кабинет, тем более, если они по возрасту годятся мне в отцы. Внутри невольно разрасталась злость. Стоит тут такой, типа гордый и принципиальный, правильный, а сам воспитал такую гадину и малолетнюю стерву Юленьку. Но ведь твою идеальную женщину, твою богиню, он тоже воспитал. Как, почему сестры получились такие разные?! Какая-то необъяснима загадка природы.

– Чем обязан вашему визиту? – мой голос звучал по-деловому прохладно.

Пусть я «паршивец» и «дерьмо», однако унижаться перед Николаем Алексеевичем больше не намерен.

– Александр Иванович, я очень надеюсь, что и вы умеете нести ответственность за свои поступки.

К чему такое вступление?!

– Не беспокойтесь, если тест покажет, что ваша младшая дочь беременна от меня, то я, безусловно, стану заботиться о ребенке, он ни в чем не будет нуждаться.

Николай Алексеевич досадливо крикнул, потом начал растирать левую сторону груди. Характерный жест для сердечников. Черт, мне сразу же вспомнился наш разговор с доктором, которого я вызвал Таниному папе после своего избиения.

– Забота – это ведь не только финансовые отчисления, как вы себе, видимо, представляете.

– Понимаю. Если честно, я уже давно задумывался о детях, правда, мечтал, что все будет немного не... так.

Сашка, ну что ты говоришь такое? Иногда нужно вовремя заткнуться. Но блин, я хотел ребенка совершенно от другой женщины, другой сестры. Хорошо хоть не озвучил подобные мысли.

Губы Николая Алексеевича презрительно скривились, видимо, он все-таки понял, о чем я подумал.

– Впрочем, неважно, мне кажется, точнее я попробую стать для этого ребенка хорошим отцом.

– Хорошим отцом невозможно стать, видя своего ребенка набегами, раз в два месяца, когда появляется время между делами и бурной личной жизнью.

Еще один болезненный укол в мою сторону. Впрочем, не страшно, видимо, я начинаю обрастать броней. А может, уже начал свыкаться с неприятной, скручивающейся омерзительным жгутом внутри, удушающей мыслью, что я «паршивец» и «дерьмо».

– А вы считаете, что ваша дочь может быть хорошей матерью? – «мальчик для битья» сделал ответный выпад и, кажется, попал в цель, глаза Таниного отца гневно блеснули, а лицо вмиг побагровело.

– Нет, не считаю! – пробасил он. – Потому что ты скот, не думал своей головой, мало того, что с двумя сестрами спал, так еще не предпринял каких-либо мер контрацепции, обрюхатил восемнадцатилетнюю девочку. Ей еще в куклы играть, а не детей воспитывать. Юльке учиться надо... рановато ей становиться матерью.

Чтобы не сказать этому отцу благородного семейства пару ласковых, «скот» с силой сжал зубы. Не беленись, Алекс, не беленись, во-первых, Николай Алексеевич Танин отец, Танин, только этот факт вынуждал меня быть предельно корректным, во-вторых, я в самом деле виноват, уже взрослый мальчик, пора было научиться сдерживать свои первобытные порывы, думать не отростком между ног, а головой, раз уж она зачем-то сидит у меня на плечах, в-третьих, врач из одного хорошего лечебного центра, специализирующегося на болезнях сердца, который обследовал главу семейства Лазаревых, после того как его кулаки прошли по моей морде, сказал, что кардиограмма очень тревожная, и старший Лазарев нуждается в срочном всестороннем обследовании.

– Давайте не будем опускаться до оскорблений, – вполне миролюбиво произнес я.

Николай Алексеевич грозно глянул, но промолчал. Надеюсь, это можно считать прогрессом в наших переговорах.

– Я действительно постараюсь как можно больше принимать участия в воспитании и жизни ребенка.

Танин отец скривился...

– Да будь моя воля... – начал он, потом осекся, краснота сошла с его щек, уступая место бледности. – Этого мало, настоящий отец должен каждый день находиться рядом с ребенком.

К чему эти слова?! Неужели он намекает на то, чтобы я женился на этой белобрысой стерве?!

– Сейчас мужчины думают лишь о получении удовольствий, такие слова, как «честь», «долг», да и просто «совесть» теперь забыты. Не мужики, а какие-то безответственные инфантильные мальчишки. «Сунул, вынул и пошел».

«Безответственный мальчишка» опять начал злиться.

– Я не понимаю, чего вы от меня ждете? Хотите, чтобы я женился на вашей младшей дочери?!

Николай Алексеевич промолчал, но нетрудно было понять, что я попал, угадал, он ожидает от меня именно таких, на мой взгляд, совершенно идиотских действий.

Очень неудачная шутка. Млять! Я что, похож на осла?! Нахрена мне сдалась такая жена?! У нас с ней ничего общего, более того, я ее вообще плохо знаю, а то, что успел узнать, вызывает во мне лишь отторжение и неприятие.

– Я думаю, настоящий мужчина именно так и должен поступить.

Мать твою! Кажется, взгляды семейства Лазаревых остановились где-то в девятнадцатом веке, лишь одна блондинка Юленька, судя по всему, отличается некой прогрессивностью взглядов. Во всяком случае, не считает для себя зазорным прыгать к малознакомому мужику в постель.

– Н-но я люблю Таню... И вообще, вся история с Юлей произошла совершенно случайно и только потому, что я изначально не знал, что они сестры.

Лицо Николая Алексеевича снова начало багроветь, а руки, желая, видимо, хорошенько пройтись по моей физиономии, сжались в кулаки.

– Забудь о Тане, она не для таких, как... – отец сестренки снова осекся, но я и так понял, что, по мнению главы семейства Лазаревых, «паршивец» Шувалов недостоин даже дышать с ней одним воздухом.

Броня, которую я воображал еще несколько минут назад, треснула, лопнула, словно первый хрупкий осенний ледок под ногами. Лучше уж мордобой, чем эта разрывающая боль в груди.

– Таня – чистая гордая девочка и достойна самого лучшего мужчины. Она тебя никогда не простит. Ты разрушил ее доверие, наплевал в душу... Таня для тебя потеряна.

Хрен вам, хрен вам всем!

– Николай Алексеевич, мне нужно еще раз поговорить с вашей старшей дочерью.

– Я же сказал, забудь о ней, кроме того, Таня уехала.

– Куда уехала?! – не сдержался, заорал на весь кабинет.

– Да какая разница! – закричал в ответ Николай Алексеевич. – Я знаю свою дочь, она никогда тебя больше не подпустит к себе. Ты для нее все равно, что умер.

Хрен вам, хрен вам всем! Рано меня списывать в покойники.

– Пусть так. Мне только одно непонятно, Николай Алексеевич, раз вы считаете меня таким ужасным человеком, скотом, готовым волочиться за каждой юбкой, то почему хотите, чтобы я женился на Юле? Вам кажется, старшей я не достоин, а младшей в самый раз?! Или вам плевать на счастье ваших дочерей?!

– Ах, ты! – вскричал Николай Алексеевич, а его рука привычным жестом потянулась к сердцу.

Ну зачем ты так, Сашка?! Зачем эта злая ирония? Он ведь действительно переживает, неизвестно, как бы ты себя вел на его месте, а главное, Николай Алексеевич серьезно болен. Млять, Шувалов! Держи свои эмоции под контролем, в самом деле, не будь скотом.

– Мне совсем не плевать! Если бы я мог, то и на пушечный выстрел не подпустил такого паршивца ни к одной из своих дочерей. Но у ребенка должен быть отец, чтобы стать полноценным человеком, ему необходимо расти в нормальной семье.

Я бы поспорил с этим утверждением, на мой взгляд, если в семье нет любви, а между супругами отсутствует уважение, то о какой полноценности можно говорить. Бред! Но у главы семейства Лазаревых совсем иные взгляды на жизнь. Ура!! Вперед!! И если ты заделал ребенка, то будь добр, грудью на амбразуру. Конечно, я не понимал таких суждений, наверное, потому что человек другого поколения, а может, слишком привык жить для себя, быть эгоистом до мозга костей.

– Николай Алексеевич, – сказал я почти спокойно, – мне кажется, этот разговор надо отложить до того момента, когда придет тест ДНК.

– Думаешь, Юля станет врать отцу и матери?

– Я предпочитаю не строить догадки, а опираться на факты, – в моем голосе было показное равнодушие.

Но верить на слово голубоглазой блондинке мог только большой дурак, помнится, стараясь очернить старшую сестру, она уже не единожды мне соврала.

– Хорошо, обсудим позже, – произнес сквозь зубы Николай Алексеевич. – Я просто хотел понять, ты человек чести или... – он опять замолчал, а губы скривились в презрительной усмешке, говоря о том, что старший Лазарев, уже сделал свои выводы.

Не слишком ли скоропалительно? Но вслух возмущаться не стал, предпочел не заметить этот еще один недружелюбный выпад в мою сторону.

– Давайте поговорим на другую тему. Врач, которого я вызвал и которого вы, а скорее всего, Эльвира Тимофеевна или Таня все-таки пустили в квартиру, сказал, что вам срочно нужно пройти обследование, ваша кардиограмма указывает на наличие серьезных проблем.

– Да какая разница тебе до моего здоровья?! Я влеплю иск этому врачу за разглашение врачебной тайны, просил же его не говорить родным, а он не пойми с кем разоткровенничался.

Невольно крикнул, кажется, я подставил врача. «Не пойми кто» платил медикам деньги и, конечно, рассчитывал знать правду о состоянии больного.

– Разница для меня есть, Николай Алексеевич, возможно вы дед моего ребенка... Кроме того... вы... – хотел сказать «Танин отец», но заткнулся, боясь вызвать новую волну праведного гнева.

Однако данный факт, накладывал на меня обязательства сделать все возможное, чтобы Николай Алексеевич был жив-здоров. Я не хочу, не могу позволить, чтобы моя девочка плакала и мучилась еще сильнее.

– Николай Алексеевич, вы, конечно, можете связаться с нашей бесплатной медициной, но скорее всего это займет много времени и нервов. В этой клинике, откуда приезжала бригада врачей, очень хорошие специалисты, лучшие в своем деле. Я вам оплачу лечение...

Брови старшего Лазарева хмуро сошлись у переносицы.

– Бесплатно в нашей стране можно только умереть.

– Почему же, в этой клинике проводят бесплатные операции, правда, берутся за самые тяжелые случаи, и приходится ждать выделения квоты.

– Запомни, мне не нужны твои деньги, сам разберусь со своим здоровьем.

Ну конечно, лучше сдохну, но не возьму денег у богача Шувалова. Тут я как-никогда понял, в кого у Татьяны Лазаревой такая непробиваемая ослиная упертость.

– Николай Алексеевич, мне кажется, глупо отказываться от помощи, рисковать своей жизнью только лишь из-за того, что я, по вашему мнению, ничтожный человек, точнее «скот» и «паршивец».

– Я же сказал, мне не нужны твои деньги, поступи, как подобает мужчине, это все, что от тебя требуется.

Вот же твердолобый дядька! Честь и совесть – хорошие понятия, когда они не перерастают в откровенную глупость и непомерное упрямство.

– Николай Алексеевич, надеюсь, вы хотя бы обратитесь в поликлинику по месту жительства.

– Андрей Анатольевич, ты мне срочно нужен, есть одно дело.

– Что такое, Саш, стряслось чего?

Много чего стряслось, но сотрудникам компании лучше не знать о моих любовных трагедиях, зачем это, уверен, слухи и так ходят по офису, многие ведь видели фингалы на моей роже и, возможно, наблюдали ту театральную сценку с кровавыми лепестками роз. Хотя Андрей – это не просто сотрудник, мы с ним знаем друг друга черти сколько лет, практически одновременно пришли работать в фирму «Сторойинвест». Я, только что получивший диплом инженера-строителя, на место папиного заместителя, и он – бывший майор милиции, на должность начальника службы безопасности. И хотя разница в возрасте у нас приличная, больше десяти лет, так уж повелось, что обращались мы к друг другу на «ты».

– Андрей, мне кровь из носу нужно выяснить, куда уехала Татьяна Лазарева.

– А у родственников спросить не судьба? Например, у той же сестренки белобрысой, за которой мы снова установили наблюдение. Надеешься видимо, что Таня свяжется с ней, поэтому слежку попросил организовать.

Интересные он сделал выводы.

– Значит, не судьба... раз к тебе обращаюсь. Насчет Юли пальцем в небо, чуйка подвела тебя, Андрей Анатольевич.

– Окей, прости за глупый вопрос. Я попрошу знакомых из полиции, они пробьют, где сейчас находится ее телефон.

– Черт, Андрюх, ее телефон вот уже почти две недели, вне зоны действия сети. Выключен или, скорее всего, она к чертям собачьим сменила номер.

– Если Таня Лазарева приобрела новую сим карту на свое имя, то выяснить это полиции не составит труда, а там уже можно пробить ее конкретное местонахождение. Сейчас найти человека, который не умеет скрываться, очень просто.

– Да, спасибо, Андрей. Кстати, поспрашивай в фирме «Эверест», может, там что-нибудь знают. И еще, на всякий случай, симка ведь может быть зарегистрирована на кого-то другого из членов их семьи. Если у Тани не обнаружится новых номеров, то пробей, пожалуйста, нахождение всех телефонов семейства Лазаревых.

– Не учи ученого, босс, сделаю все возможное и невозможное. Главное, чтобы она не пользовалась симкартой какого-то стороннего лица. Вот тогда с поисками твоей зазнобы могут возникнуть сложности. Впрочем, и это не проблема, посмотрим внимательно абонентов мамы и папы, должны же они звонить своей дочке...

– Молодец, – похвалил я начальника службы безопасности, – сразу видно профессионала. Кстати, Андрей Анатольевич, насчет слежки за Юлей Лазаревой, когда будет первый отчет?

– Завтра ребята предоставят информацию. Но там, кажись, ничего интересного, обычная девчонка.

Обычная, да не совсем... Задатки у нее первостепенной стервы.

Андрей уже встал, собираясь уйти:

– Да, кстати, Саш, надо будет отблагодарить людей из полиции, – пальцы начальника службы безопасности фирмы «Стройинвест» сделали характерный жест, показывающий, что придется позолотить ручку служителем закона. – Ну, ты понимаешь.

– Понимаю-понимаю, – закивал я, – не скупись.

– Хорошо, босс, как только будут новости по Тане Лазаревой, сообщу.

– Юльчик, ты какая-то скучная стала, пойдем в клуб развеемся, потанцуем.

– Нет, Алин, даже не проси, – мне сейчас надо прикинуться зайчиком-пайнкой.

– Ну Юль, пойдем, потанцуем, – продолжила уговаривать подружка младшую сестру Лазареву, – представь, там будет тусня, танцы до утра, Жоржик обещал принести бесплатные подарки.

– Ты чего, совсем тупая, сказала, не могу, – зло блеснув голубыми глазками, вспыхнула юная блондинка, – а с Жоржиком я поругалась и вообще не общаюсь.

– Да и пожалуйста, – слегка обиделась на грубость подружки Алина, – подумаешь, нам веселее будет. А знаешь, Игорек о тебе спрашивал.

– И что спрашивал? – оживилась светловолосая девушка.

– Ну просто спросил, как там Юльчик-красотульчик поживает. А, да... сказал еще, что соскучился без тебя.

– Соскучился, – лицо юной блондинки стало довольным. Мысль, что бывший любовник все еще думает о ней, Юле явно понравилась.

– Нет, все равно мне нельзя сейчас... Знаешь, может, у меня шизофрения, но кажется, за мной следят. Думаю, это Шувалов людей нанял. Кстати, Алин, если к тебе вдруг кто-то подкатит с расспросами обо мне, дай знать, пожалуйста. Ну и ты понимаешь, что надо говорить.

– Конечно, понимаю – ты девочка-пайнка, ни разу ни дзынь-дзынь.

Подружки рассмеялись.

– Вот именно... Алин, кстати, будь другом, раздобудь для меня пару подарочков. У меня есть деньги, я заплачу.

Глава 3

Дрожащими руками вскрыл конверт, присланный из канадского центра, занимающегося определением отцовства. Пальцы не слушались и дрожали, будто я выпивал недели три и это не бумажный конверт, а стакан для опохмела. Лихорадочный стук сердца в груди отдавал в ушах торжественной барабанной дрожью. Тадам... Мать твою, Шувалов, что ты, как кисейная барышня, раскис, того и гляди, от переизбытка чувств бухнешься в обморок. Боже, пусть этот ребенок не будет моим!.. Я стану ему помогать деньгами, связями, всем, чем возможно. Но я не хочу, чтобы дитя светловолосой Ля-ля-ля было моим. Строчки плыли перед глазами, накладываясь друг на друга. Возникла пауза, словно я специально сделал остановку, дабы насладиться предвкушением, остаться в блаженном неведении или до предела обострить трагичность момента. Блядство... Какого хрена! Где читать?! Наконец глаза выхватили нужную фразу: «ДНК плода пациента 1 на 90% соответствует ДНК пациента 2. Из чего можно сделать вывод, что пациент 2 является родственником пациенту 1 по схеме отец-ребенок. Данная информация имеет предварительный информационный характер и подлежит уточнению после рождения пациента 1». Сердце, словно обледелый кусок льда, ухнуло вниз. Черт! МОЙ, все-таки это МОЙ ребенок... Девяносто процентов – это довольно много. Млять!!! Мне захотелось реветь, плакать слюнявым мальчишкой, которому настучали по роже. Алекс, ты же мужик... Блин, не такие мужик должен испытывать эмоции, узнавая новость о том, что он скоро станет отцом. Ну почему беременной оказалась не та сестра?! Сука, люди годами пытаются завести ребенка, а мне, блядь, одного раза хватило, чтобы обрюхатить случайную девочку. Сука! Что за невезение! Гребаные инстинкты! Ну почему я не смог остановиться тогда?! Идиота кусок! Млять! Одним махом сгреб со стола все папки и канцелярские принадлежности. Со всей силы стукнул кулаком по столу. Какого хрена мне теперь делать?! В само деле, не жениться же на этой белобрысой суке?! Но ребенок, млять!! Маленькое ни в чем не повинное дитя. Это была заветная мечта моего отца, внуков да побольше. Но так и не довелось. Сестра чуть позже родила, а Мила сделала аборт... И данный факт тоже лежит тяжким крестом на моей совести. Стукнулся головой о стол. Мать твою, что делать-то?.. Как быть?! Отчаянье, леденящее отчаянье, без того уже прочно засевшее в теле, начало отвоевывать у еле теплившейся надежды все новые и новые места в моей душе. Черт!..

Звонок телефона отвлек от стенаний.

Ля-ля-ля... Сучка, тут как тут. Нет, Шувалов, не сучка, а мать твоего будущего ребенка. Ей, наверное, тоже принесли результаты теста, и она спешит высказать свое ликование по этому поводу. Захотелось разбить телефон о стену, а вместе с ним и свою глупую голову, но я, как под гипнозом, провел пальцем по экрану смартфона, принимая звонок.

– Сашенька, милый мой, я так рада! – зазвенел в трубке голос младшенькой Лазаревой.

Да, я тоже очень рад, до такой степени, что хочется повеситься или утопиться.

– Уверена, это будет мальчик. Во всем на тебя похожий, такой же, как ты... настоящий принц.

Ха, какой я принц, самый настоящий нищий, по глупости потерявший свое единственное сокровище.

– Алло, Саш, ты меня слышишь?!

– Да, слышу, – хмуро ответил я, добавив про себя «к сожалению, слышу». Ну хоть не вижу, и то радость.

– Давай, если это будет девочка, назовем ее Агатой.

Дурацкое, чужеродное имя, никогда не назову так свою дочь.

– Ты же уверена, что это будет мальчик? – усмехнулся я.

– А мальчика назовем Кириллом или Ярославом.

– Нет, мальчика будут звать Иваном и никак иначе.

– Почему Иваном?!

– По кочану! – злость, сидевшая внутри, все же вырвалась на свободу. Теперь главное, чтобы следом за ней не пожаловало бешенство, иначе разворочу тут все в хлам.

Тоже мне, будущая журналистка, не может сложить дважды два. Так звали моего отца, самого дорогого для меня мужчину, с потерей которого я так и не смог до конца смириться. И мне очень не хватает его сейчас... Впрочем, будь он жив, то, наверное, задал бы мне хорошую трепку.

– Ну ладно, Иваном, так Иваном, не злись, – ласково лепетала в трубку Юля. – Хотя, по моему мнению, слишком просто, по-колхозному.

Боже, что за сюрреалистичный бред, я сижу и веду разговоры о том, как будут звать моего сына, с малолетней, совершенно чуждой мне женщиной.

– Милый, давай свадьбу отпразднуем в ресторане «Сопрано»... Там очень красиво, такой стильный интерьер.

– Тебе кто-то сделал предложение?! – развеселился я, поняв, прочувствовав на себе выражение «смех сквозь слезы».

– Но я ведь мама твоего ребенка, разве мы не поженимся?! – как будто совершенно искренне изумилась на другом конце провода Ля-ля-ляшка.

Странно, меня даже почему-то не удивила ее псевдонаивная наглость.

– Послушай, Юля! Не прикидывайся дурой, тебе не идет! Я сейчас очень занят, когда приму решение насчет тебя, ребенка и наших отношений, сообщу. До этого момента не надоедай мне. Не хочу тебе грубить, поскольку ты в положении и так далее. Но, блядь, сука, не борзей!

– Саша... – продолжила что-то говорить в трубку красавица Юленька, но я уже не слушал, отключил звонок и вырубил нахрен телефон.

Никого не хочу сейчас слушать, и уж совсем не могу заниматься делами. Эх, надраться бы с горя, точнее с радости, ведь совсем скоро я стану папой. А вдруг и правда Ванька родится?! В груди болезненно защемило. Млять!! До чего же запуталась моя жизнь, какой-то дурацкий лабиринт, не знаешь, куда повернуть, и чувствуешь, какую бы дорогу ну выбрал, везде будет хреново, потому что моя Ариадна к чертям собачьим выбросила путеводную нить.

Молоденькая симпатичная блондинка настойчиво нажала на кнопку звонка калитки большого красивого загородного дома. Долго никто не откликнулся, светловолосая девушка даже начала нервничать и уж было хотела позвонить второй раз, как немного грубоватый мужской голос недовольно спросил:

– Что надо?!

– Мне нужно поговорить с Екатериной Юрьевной.

– А ты кто такая?!

– Я... я девушка ее сына.

Мужчина что-то неразборчиво пробормотал себе под нос.

– Вот приходи с Сашкой, тогда и будете разговаривать.

– Пожалуйста, – жалобно попросила светловолосая красавица, – это очень важно.

– Как звать-то тебя?

Кажется, слезливые нотки в голосе девушки немного растрогали охранника.

– Юля... Прошу вас, мне очень нужно с ней поговорить.

– Подожди, сейчас выясню.

Судя по прощелинам в красивом заборе дома, мужчина начал кому-то звонить. Блондинка занервничала еще сильнее, если охранник свяжется с Шуваловым, то вряд ли ей удастся

первой просветить его маму радостной вестью о ребенке. «Вот же гадство», – чуть слышно прошептала светловолосая красавица.

– Сейчас доложу хозяйке, захочет ли она тебя принять, – после нескольких, судя по всему, неудачных попыток дозвола обратился к девушке охранник.

Юля возликовала, на красивеньком личике появилась довольная улыбка. Мужчина ушел, оставив блондинку ожидать у калитки, но, впрочем, скоро вернулся, не прошло и пяти минут. Массивная дверца ворот открылась, впуская девушку на территорию двора.

– Проходи, – все так же нелюбезно проговорил высокий и коренастый охранник около сорока лет. Его взгляд слегка удивленно пробежался по тоненькой фигурке девушки. С косой, неброским макияжем, одетая в скромный льняной сарафанчик, она выглядела очень юной, нежной, как едва распустившейся цветок, и казалась совсем-совсем молоденькой.

– Пойдем, проведу тебя.

Глаза светловолосой красавицы восхищенно забегали, осматривая открывшийся вид двора дома. Ландшафтный дизайнер поработал на славу. Тут и красивые клумбы, и декоративный прудик с небольшим деревянным мосточком, шарообразно подстриженные деревья, беседка в стиле Прованс и витиеватые, разбегающиеся во все стороны, словно лучики снежинки, тротуарные дорожки. Только хорошенько рассмотреть окружающее великолепие девушка не успела, поскольку охранник быстро, не оглядываясь, шел к большому двухэтажному особняку с красивой мансардной крышей. Внутри дом был выполнен в классическом богатом стиле с обилием дерева, колоннами, дубовым паркетом и гипсовой лепниной на потолке и стенах. Мужчина провел девушку в просторную светлую комнату, где их встретила чуть полноватая женщина с красивыми чертами лица и темными волосами, подстриженными в форме удлиненного каре. Она выглядела довольно молодо для своего возраста, не старше сорока пяти лет. При виде девушки в зеленых глазах женщины на миг отразилась растерянность и еще, пожалуй, как чуть ранее у охранника, удивление.

– Здравствуйте, – пролепетала девушка, скромно потупив глазки в пол.

– Добрый день! Я Екатерина Юрьевна, – представилась женщина, дружелюбно улыбнувшись блондинке. – Сын мне говорил примерно недели три назад, что приведет знакомить со своей девушкой, но так и не сподобился. Вечно занятой.

– Юля, – представилась блондинка

– Юля?! – растерянности во взгляде женщины стало еще больше, поскольку ей помнилось, что Алекс упоминал какое-то другое имя. – Я думала... – начала она, а потом замялась. – Юля, присаживайся, – рука с неброским маникюром указала на светло-бежевый диванчик, – Хочешь чаю?

– Нет-нет, не стоит беспокоиться, Екатерина Юрьевна, – я просто пришла с вами поговорить по одному важному вопросу.

– Да, конечно. Только давай все же присядем, не очень удобно разговаривать стоя, – мило улыбнулась мама Шувалова.

Блондинка опустилась на предложенный диванчик, чуть в отдалении от нее расположилась женщина. Голубые глаза девушки затравленно заметалась по комнате, выдавая охватившее ее волнение, она никак не решалась начать беседу и в комнате повисла довольно продолжительная пауза.

– Юля, – наконец, обратилась к ней женщина, – ты хотела поговорить со мной о чем-то важном.

Девушка несмело взглянула на Екатерину Юрьевну.

– Я-я очень люблю вашего сына. Знаете, увидела его однажды, подъезжающего на мотоцикле к нашему дому... и влюбилась по уши.

О том, что она увидела Шувалова, подсматривая в окошко за свиданием старшей сестры, девушка, конечно же, рассказывать не стала.

– Он такой, такой... – Юлия замолчала, подбирая слова, – в общем, словно настоящий принц, о котором мечтает каждая современная девушка. Умный, деловой, красивый, щедрый...

Женщину немного смутили эти хвалебные слова, но было видно, что неумелые комплименты в адрес ее сына польстили материнскому сердцу. Все родители любят, когда хвалят их детей, даже если последние уже большие самодостаточные мальчики.

– И знаете, так получилось... Перед ним разве можно устоять, в общем, мы стали любовниками.

– Юлия, можно вопрос, а сколько вам лет?!

– Мне... мне восемнадцать, в конце декабря будет девятнадцать лет.

– Понятно... Вы с ним поругались? – участливо спросила женщина. – Я вряд ли смогу помочь в вопросе примирения, обычно Саша не впускает меня в свою личную жизнь.

– Не знаю, поругались мы с ним или нет, – девушка в волнении начала теревить небольшую розовую сумочку. – Дело в том... что я... в общем... не знаю, как это получилось, у меня было мало опыта до вашего сына, а он слишком нетерпеливый, в общем... я-я жду от вашего сына ребенка.

Зеленые глаза Екатерины Юрьевны потрясенно расширились.

– Я думала, – в голосе юной блондинки послышались слезливые нотки, – у нас будет семья – мама, папа и маленький сыночек... Но Алекс совсем переменялся, так грубо ведет себя... Потасил меня сдавать тест ДНК, словно не доверяет мне... Наверное, он сомневается, потому что я не была девственницей. Но поверьте, первый раз мальчик практически силой взял меня, и больше никогда не с кем, кроме Алекса... – светловолосая красавица часто-часто заморгала, голубенькие глазки наполнились слезами. – Он потасил меня сдавать тест ДНК, даже не захотел ждать рождения ребенка.

Екатерина Юрьевна замерла на диване, не зная, как себя вести в сложившейся ситуации и что можно сказать этой юной взволнованной девушке.

Юлия порывисто расстегнула сумочку, вытащила оттуда белый конверт, а из него скрепленные листы, протянула их темноволосой женщине.

– Вот посмотрите, там говорится, что ДНК плода совпадает на девяносто процентов... – сказала светловолосая красавица и жалобно всхлипнула.

Женщина осторожно развернула бумаги, глаза сразу выхватили нужные строчки. Ухоженные руки с неброским маникюром дрогнули. «Внук, внук, – зазвучала в ее голове волнительная мысль, – у меня будет внук или внучка. Если бы Ванечка остался жив, то очень обрадовался бы. Он так хотел внуков».

– Я-я не знаю что делать, – снова всхлипнула блондинка, – у нас правильная семья... Папа вообще очень строгий, для него это огромный позор, если дочка нагуляла ребенка без мужа. А Саша, он со мной не разговаривает...

Блондинка закрыла лицо чуть подрагивающими пальчиками.

– Тише, девочка, тише, – ласково стала успокаивать ее Екатерина Юрьевна, приобняв хрупкие плечи.

– Такое ощущение, он хочет, чтобы я избавилась от ребенка. Но разве так можно?! Это же бесчеловечно?! Ведь он такой маленький и беззащитный... Наша семья против аборт. Я думала, если родится мальчик, назовем его Ванюшей, в честь Сашиного отца, такое красивое исконно русское имя.

Лицо Екатерины Юрьевны поменялось, недоумение и растерянность, не покидавшие его с момента прихода светловолосой девушки, уступили место сильному волнению. Она, как и сын, до конца не смирилась с потерей мужа. Хотя уже прошло довольно много времени. И все у нее в жизни было, любящий сын, дочка-красавица и умница, маленькая внучка, даже поклонник имелся, один овдовевший приятель супруга, но все, что касалось ее любимого Ванечки,

оставалось для Екатерины Юрьевны священным. Шутка ли, прожить с самым достойным, по ее представлениям, человеком, душа в душу почти тридцать лет.

– Ек-катерина Юрьевна, – чуть заикаясь, всхлипывала девушка. – Я хотела, чтобы у моего ребенка был настоящий папа, любящий, заботливый и думала, что Шувалов именно такой, а он... Не знаю, как мне теперь быть... Может, и правда лучше сделать аборт. Но-но я уже полюбила этого ребенка.

– Не плачь, девочка, – Екатерина Юрьевна утешающе стала поглаживать девушку по спине. – Успокойся, Юленька, никакого аборта, нельзя брать такой страшный грех на душу. Не переживай за ребенка, он ведь Шувалов, м-мы его никогда не бросим. Я поговорю с сыном. Не знаю, почему он так себя ведет... почему грубит. Алекс всегда был ответственным мальчиком.

Блондинка закрыла лицо руками, будто пытаясь спрятать за ладонями свою слабость.

– Ну же, не плачь, девочка, все будет хорошо, я не дам в обиду твоего малыша... Мой муж, ты себе не представляешь, как он хотел внуков, особенно Сашкиных, мечтал, чтобы род продолжился, а фамилия жила. Ребенок – это большое счастье, не плачь, девочка... – продолжила ласково успокаивать голубоглазую красавицу Екатерина Дмитриевна.

Прикрытые подрагивающими пальчиками губы младшей сестры Лазаревой, довольно растянулись, в груди от своего актерского мастерства и хитрости разрасталась эйфория. «Мой, Шувалов будет мой, – билась у нее в голове радостная мысль. – Я всем утру нос, особенно красавице Танечке».

– Здравствуйте, Александр Иванович, – учтиво поприветствовала меня секретарша.

– Здравствуй, Светлана. Созывай начальников отдела, через полчаса будем проводить планерку.

День выдался напряженным, пока я раскисал, накопилась целая куча неотложных дел... Наша семейная компания все еще висела над пропастью, правда, теперь, благодаря другу Никиты Алексеевича, не на волоске, а на крепком канате. Но млять, под нами все так же на тысячи километров финансовая пустота и сила инерции бизнеса, готовая в любой момент утянуть компанию «Стройинвест» на самое дно. Значит надо цепляться за все, что можно, а я, носясь со своими любовными неурядицами, пустил все на самотёк.

Личный телефон включил только после обеда... Ого, три пропущенных звонка от Юли. Что надо этой белобрысой су... матери моего будущего ребенка?! Сказал же, не борзей, но некоторые не понимают слов. Пять звонков от мамы, и еще один раз звонила Мила. Усмехнулся. Я прямо пользуюсь бешеной популярностью, сколько женщин хотят меня услышать. И только от Тани Лазаревой полное безоговорочное молчание. Кто бы сомневался. *«Никогда, слышишь, Саш, никогда больше я не хочу тебя видеть, а уж тем более разговаривать. НИКОГДА!..»*

Надо бы позвонить им всем, выяснить, в чем дело. Всем, кроме Юли, о чем беседовать с этой юной красоткой, я решительно не знал, не хотел, и пока не был готов.

– Алло, мамуль, ты мне звонила... Извини, были дела, на стройку ездил, а там проблемы со связью, – не моргнув глазом соврал я. – Случилось чего, мам?!

– Да, Саша, случилось... – голос родительницы был строгий и грустный. – Случилось то, что я больше не могу гордиться своим сыном...

– Мам... ну мам, прости, понимаю, я долго не приезжал, не звонил. Правда, дела были, кручусь как белка в колесе, вздохнуть некогда.

– Саш, мне, конечно, печально, что ты забываешь звонить матери, но поговорить я хотела совсем о другом.

– О чем?

– Саш, она ведь совсем молоденькая... девочка еще, почти школьница. Если честно, я вообще не понимаю, как ты мог с ней связаться...

Холодный кушище снега полетел прямо в рожу. Епть... Кажется, родительница каким-то образом узнала о том что я скоро стану папой. Интересно, какая сука просветила?

– Мама, прошу тебя, не вмешивайся в мои личные дела, – раздраженно прорычал я в трубку.

– Не могу не вмешиваться, Саш?! Она беременная, эта похожая на ангелочка девочка носит под сердцем твоего ребенка, и значит, МОЕГО внука!

Млять!!

– Как ты об этом узнала?! – мрачно уточнил я.

– Юлия приходила ко мне, плакала, что ты не хочешь с ней разговаривать...

Вот же блядь белобрысая, и до мамы добралась... Сука, почувствовала мою слабину, поняла, что я не смогу причинить вред своему ребенку. Но черт, как хочется ее придушить, сдвинуть пальцы на хрупкой шейке и давить-давить, пока она не начнет задыхаться, шкрябая накладными ногтями кожу на моих руках.

– Это же наш ребенок, он Шувалов, она показала тест ДНК, ты понимаешь, наш... Вспомни, как папа хотел внуков. Каждый месяц подсылал меня к Миле спрашивать, не беременна ли она. Ты даже не представляешь себя, как мы с ним беспокоились, думали, может у тебя проблемы. Говорят, сейчас многие мужчины сталкиваются с трудностями в этой сфере.

– Мама, – раздраженно прервал ее я, – у меня все в порядке!

Даже чересчур, как бык-осеменитель, с первого раза, млять. Девочке стоит только рядом посидеть, и она уже беременная.

– Я уже объяснял тебе ситуацию, мы с Милой просто сначала решили пожить для себя, потом поняли, что поспешили с женитьбой, а не разводились из-за папиной болезни, не хотели вас расстраивать.

– Да не о Миле сейчас речь. Эта девочка, Юлия, плачет, нервничает, не может тебе позволить, не знает, как поступить, даже об аборте думает. Саш, ты вообще, что собираешься делать!?

Застонал в трубку:

– Не знаю, мам, не знаю, но ребенка я, безусловно, не брошу на произвол судьбы.

– Это наш ребенок, он должен быть Шуваловым. Ты разве не понимаешь, Саш, я хочу его нянчить, хочу, чтобы у тебя наконец-то было все по-людски.

У меня и по-людски?! Какое там, у меня все через задницу, люблю одну сестру, а ребенка ждет другая.

– Сашенька, она ведь совсем девочка, милая такая, хрупкая, ласковая. Ты должен поступить правильно... как настоящий мужчина.

И мама туда же...

– Я не знаю, как правильно, мама... Я люблю совсем другую женщину.

– Саша! – потрясенно вскрикнула мама. – Как же так?! Как ты мог?!

– Более того, я люблю ее... – замолчал, заткнулся, зачем еще сильнее маму расстраивать. – Так получилось, мамуль, – угрюмо произнес я, – случайно получилось.

– Что значит случайно, Саш?! Тебе сколько лет?! Никогда не думала, что мой сын будет подлецом. Как понять, случайно получилось?! Знаешь... Мне, наверное, впервые в своей жизни стыдно за тебя. Пожалуй, хорошо, что твой отец не дожил до этого момента.

Больно, адски больно. Еще одна любимая женщина считает меня мерзавцем и гадом... Чуть схватившаяся корка, на кровавом месиве моей души, тут же разломалась, слезла, словно ее никогда не бывало. Опять внутри меня боль и кровища.

– Мам, не начинай, пожалуйста, и ты. Разве ты не понимаешь, мне и так хреново, думаешь, мне нравится чувствовать себя скотиной? У меня тоже есть честь и совесть... Душа тоже, какая-никакая имеется, и она болит, мама!

Кому еще жаловаться, как не родной матери.

– Сыночек, – всхлипнула она в трубку мобильного телефона, – но как же эта девочка? Как же наш внук?!

– Мама, я сказал, что ребенка не брошу, а во всем остальном позволь мне, пожалуйста, разобраться самостоятельно.

Завел свой мотоцикл. Он довольно, предчувствуя скорую поездку, загудел, словно радуясь, что хозяин и о нем наконец-то вспомнил.

– Ну, здравствуй, дружок, давненько я на тебе не катался.

По-хорошему продать бы его надо чертям собачьим, но у каждого мужчины есть свои слабости и свои дорогие сердцу игрушки. Помнится, мама до хрипоты выступала против моего увлечения гонками, конечно, любимый сыночек и вдруг такое опасное хобби. Только папа поддержал: «Хорошее мужское занятие сынок, только помни, побеждает вовсе не тот, кто рискует, все это ерунда, первым оказывается тот, кто умеет просчитывать возможности». А я облажался на всех фронтах, хренов счетовод. Все же в гонках проще, там только одна цель – добраться первым к финишу, в жизни все сложнее и более непредсказуемо. Казалось, вот оно счастье, ан, нет, в пути ты допустил ошибку, не смог сдержать свои гребаные первобытные инстинкты, и ребенка – внука, которого так хотел отец, – ждет не твоя любимая женщина, а ее белобрысая курва-сестра. Да, пожалуй, мама права – хорошо, что папа не дожил до этого момента, очень больно разочаровывать самых близких и любимых людей.

Ветер приятно охлаждал тело, но ехал я очень медленно, почти так же, как в то памятное байкерское свидание с Таней Лазаревой.

«– Я на этой штуке никуда не поеду! – произнесли вместе приветствия очаровательные женские губы.

Чертова рассудительная девочка-отличница.

– Маленькая трусишка, – очаровательно улыбнулся я.

– Хамовитый выпендрежник!

Невольно рассмеялся, поскольку сегодняшняя мисс Нахалка необыкновенно меня забавляла и волновала.

– Если я пообещаю ехать со скоростью не больше сорока км в час, поедешь?

– Не более двадцати километров в час, – стала торговаться девочка-отличница Таня Лазарева!

– Согласен! – тут же отреагировал я.

Чем, наверное, удивил и полностью обезоружил темноволосую красавицу, ведь она, скорее всего, думала, что я и дальше буду пытаться выпендриваться. Конечно, тащиться на таком мотоцикле со скоростью улитки более чем позорно для бывшего гонщика, но если ей так комфортнее, могу и потерпеть.

Таня даже растерялась от моей покладистости.

– Ты меня обманешь!

– Честное пионерское!

– Точно обманешь, и пионером, небось, не был, не до такой степени ты древний.

– Зуб даю!

– В глаз даю, если обманешь!»

Тогда мне было смешно, забавно, интересно и азартно, а сейчас от воспоминаний хотелось жалобно выть. Помнится, тем вечером Таня была такая восхитительно красивая, и совсем

не строгая офисная леди, которой я видел ее раньше, одетая в кожаную куртку, джинсы, с волосами, собранными в высокий конский хвост, она походила на дерзкую стильную мотоледи вамп. Гонщик Сашка тотчас же упал поверженный к ее ногам, как до этого капитулировал под ее обаянием бизнесмен Александр Иванович Шувалов. Воспоминания душили, перекрывали сладкой горечью дыхания. Ах, Таня, Танечка, Танюша, до чего же ты была хороша! Ах, Таня, Танечка, Танюша, ну почему ж ты такое упрямое создание? Отчего все схемы, которые раньше работали с женщинами, с тобой совершенно не проходят?

– О, Алекс, каким судьбами! – поприветствовал закадычный друг, когда я появился на пороге байкерского клуба.

– Серж, хочу надраться до поросычьего визга. Ты как?! Составишь мне компанию?

– Опять поругался с Таней Лазаревой?!

В самую точку, в солнечное сплетение моей боли. Даже крикнул от прокатившего по телу мучительного эха, вызванного его догадливостью.

– Если бы поругался, это полный звезда, Серж... И я в самом деле не знаю, что мне делать.

– Видать, снова обидел бедную девочку, а она дала тебе отпор. Не переживай... сейчас попробуем тебе помочь. Катка! Тащи сюда пиво, чешское, только что сваренное!

Рыжеволосая официантка принесла две стеклянных кружки с медового цвета напитком. В руках зазвонил телефон. Мила... Блин, она уже несколько раз меня набирала, но я, с этими душевными тревожностями, так и не сподобился перезвонить.

– Да, Мил.

– Сашка, ну ты вообще зазнался, не отвечаешь, будто я тебе по-прежнему законная жена, мешающая твоему загулу. Совсем сбрендил от любви?!

– Прошла любовь, завяли помидоры... – угрюмо прохрипел я в трубку.

– Так быстро?! – удивилась бывшая супруга. – Ты же собирался жениться?! Разве нет? Во всяком случае, рассказывал так, будто твоя бухгалтерша – современная реинкарнация Афродиты, с примесью всех других богинь и муз вместе взятых. Неужели так быстро надоела?! Выглядел влюбленным идиотом, я даже грешным делом подумала – попал миловик, как минимум лет на десять семейного счастья.

– Ты не поняла, Мил, не у меня любовь прошла. Мы расстались. А семейного счастья очень хотелось, причем не на десять лет, а на всю жизнь. Но... в общем, долго рассказывать. Про***л я свое счастье...

– Та-ак, Саш, где ты находишься?! Прямо чувствую, что тебе хреново...

– Я у Сержа, и Катка уже притащила нам скорую психиатрическую помощь в виде двух бокалов пива.

– Саш, мы с Глебом тоже приедем, сегодня пятница, можно расслабиться, к сожалению, только ему, мне еще три месяца нельзя ничего себе позволять. А потом кормление... Ах, трудна ты, женская доля.

Невольно улыбнулся, Мила всегда хохмит.

– Не стоит беспокоиться, – стал отнекиваться я, – будешь еще беременная тащиться на ночь глядя.

– Стоит, стоит, я ж тебя как облупленного знаю. Но такой траурный голос слышала только раз, когда Иван Сергеевич, – Мила замолчала, но я, конечно, понял, какие события она имела в виду. – Держись, Сашка, сильно не раскисай и не напивайся, скоро будем, прямо целая команда спасателей, целых два с половиной человека.

Грустно улыбнулся. Боюсь, спасти уже нечего, лодка с моим счастьем разбилась, так и не изведав, что такое быт. Затем голову прострелила другая мысль: «А ведь наши с Милой дети будут почти ровесники... Могут дружить, играть вместе. Вдруг правда Ванюшка родится». И

снова в груди появилось болезненное непонятное томление. Пытаясь притушить это томление, отхлебнул белую пивную шапку.

– Ну, рассказывай, что там у вас произошло?! – стал выпытывать Серж.

– Давай Милу с новым мужем дождемся, они обещали подъехать, не уверен, что смогу дважды душу излить.

Боюсь захлебнуться воспоминаниями.

Телефон в руках снова зазвонил, я сегодня очень популярный. Андрей Анатольевич, Андрюха, начальник службы безопасности компании «Стройинвест». Сердце пошло трепыхаться в груди взбесившейся гранатой, того и гляди рванет. Конечно, Андрей просто так звонить не будет, значит, скорее всего, узнал о местонахождении Тани Лазаревой.

– Алло.

– Босс, все выяснил. "Я гениальный сыщик, мне помощь не нужна, найду я даже прыщик на теле у слона", – дурашливо запел в трубку Андрей.

Бахвал, а на первый взгляд весьма солидный человек. Впрочем, хорошо, что хоть кому-то весело.

– Если серьезно, скрываться она особо не умеет, просто купила новую симку на свое имя.

– И где находится Таня Лазарева?

– В Питере... записывай адрес.

Похлопал себя по карманам, блин, ручка осталась в пиджаке, я же сегодня мотопарень.

– Серж! – нетерпеливо замахал руками. – Дай мне, пожалуйста, ручку или карандаш, что-нибудь, чем можно записать.

– Да ладно, адрес и новый номер телефона вышлю тебе по вайберу.

– Отбой, – сказал я уж было засуетившемуся дружку.

– Квартира, в которой находится твоя зазноба, зарегистрирована на некую Белых Ирину Яковлевну, пенсионерку семидесяти лет.

– Совершенно не знаю, кто это.

– Я так и подумал, потому что каких-то близко родственных связей с семьей Лазаревых она не имеет, поэтому на всякий случай копнул глубже. В общем, пенсионерка сдает квартиру Лебедевой Людмиле Владимировне, двадцати пяти лет от роду, родилась и до двадцати двух лет проживала в нашем городе.

– Это, видимо, ее подруга, мы даже однажды виделись на Таниных именинах. Спасибо, Андрей, за оперативность. Жду от тебя информацию.

Буквально через минуту телефон пропищал, сообщая о получении сообщения. Безумно захотелось позвонить своей Розе, прямо сейчас, услышать в трубке любимый голос... Горло свело жарким спазмом, тело сковало нетерпением, руки, словно в судороге, сжались на телефоне. Нет, подожди, Сашка, надо хорошенько все обдумать. Что сказать, как сказать, третий шанс тебе точно никто не предоставит.

...

– Ну, ты, Шувалов, попал! Это же надо было так лопухнуться! – воскликнул Серж после моей почти получасовой исповеди. – И в знак поддержки похлопал по плечу, да так сильно, что я поперхнулся пивом.

– Быстрая какая, уже и к тете Кате успела сбегать, – включилась в разговор Мила, – по-моему, обыкновенная зубастая стерва, которая хочет поиметь от тебя денег и побольше, а ребенок – лишь способ сделать мужика щедрым.

– Она скорее всего, хотя и говорит, что безумно любит. Но блин, вся семейка Лазаревых, в том числе Таня, они словно в девятнадцатом веке живут, или и того хуже, в средневековье, у них высокие, порой совершенно не логичные принципы. Старшей ты не достоин, а на младшей женись, поскольку заделал ей ребенка.

– Да ладно!– воскликнула Мила. – Скорее пыжатся, дашь денег, будут сидеть себе тихо и мирно, дожидаясь следующей подачки.

– Видела бы ты Николая Алексеевича, он даже на лечение не захотел брать денег, а это вопрос жизни и смерти. Таня вообще отдельный разговор... Такая, наверно, сдохнет, но не прогнется. Готовая, млять, героиня. Ура, вперед и грудью на амбразуру.

– Любую можно прогнуть, если сильно захотеть, не мне тебя учить. В твоих силах устроить так, чтобы хорошую работу она в нашем городе больше не нашла, папашу с мамашей выперли с насиженных мест, а белобрысую беременную сестричку отчислили из универа. Посмотрим, как они тогда запоют, и куда денутся их принципы.

– Зачем, Мила?! Я не хочу ее прогибать, разве этим любви добьешься, только ненависти и еще большего презрения.

– Чего тебя вдруг на моралисток потянуло, Саш?

– А знаешь, надоели пустышки, до чертиков достало, что все смотрят на меня, будто я чудесное средство три в одном. Опротивели девушки, которые после того, как я их хорошенько оттрахаю, накачав губы и сиськи силиконом, балдея от своей неземной красоты, строят себе карьеру наверх, активно используя для этого мои деньги. Дети, семья, а уж тем более мой внутренний мир им особо не нужны. Я, видимо, повзрослел, когда встретил Таню, захотелось, чтобы рядом была верная надежная женщина, которая не опозорит меня по случаю, подхватив более прибыльный денежный мешок. Я смотрел на нее и восхищался ее взглядами, умом, чувством юмора... А в постели, прости, Мил, но никогда ни с кем так не было хорошо. И дело, конечно, не в ее суперуменьях в этом деле, были у меня такие искусницы, которые член вместе с яйцами заглатывали, а внутри сжимали так, что любой сразу же обкончается. Дело в ответной реакции. Млять, я себя богом чувствовал, ведь она загоралась от малейшего моего касания. Кроме того, Таня настоящая красавица, ну Серж видел.

Дружок, подтверждая мои слова, утвердительно кивнул головой.

– Я, блин, часами готов был просто сидеть и любоваться ею. Почти сразу, точнее после нашей первой ссоры понял, именно такая мне нужна жена, которая будет вызывать восхищение окружающих не накачанными губам да искусственной красотой, а своим благородством, умом, природной грацией и женственностью. И детей я хотел от нее.

Замолчал, потому что еще немного и разревусь. Сладкие воспоминания безжалостно тушила горькая мысль: «свою Розу я умудрился потерять». Поднявшийся от такого тушения едкий сизый дым и белесый пепел моих мечтаний попадали в глаза, вызывая ту самую скупую мужскую слезу.

Все присутствующие за столом переглянулись...

– Нда... Я, конечно, еще тогда поняла, поплыл мужик, но даже не предполагала, что так встрял, – наконец сказала Мила, – даже почему-то ревностно стало, меня ты никогда так не любил.

Глеб искоса посмотрел на свою супругу, слова Милы ему не понравились, кажется, ему тоже стало немного ревностно.

– Я никого так не любил и даже не знал, что способен на подобные чувства. Мы вот говорим, а внутри меня такая хрень происходит, хоть волком вой, хоть на стены бросайся от тоски.

– Только одного не пойму, – задумчиво проговорила бывшая супруга. – Как в одной семье выросли такие разные сестры? Может, ты одну идеализируешь, а вторую наоборот... ну как бы принижаешь.

– Может, все может быть. Хотя они даже внешне небо и земля.

– Алекс, – снова хлопал меня по плечу Серж, – надеюсь, ты не думаешь жениться на этой блондинистой стерве-сестренке.

– Нет, я думаю ехать в Питер, еще раз попытаться разговаривать с Таней Лазаревой.

– Не терпится снова в рожу получить?! – поинтересовалась Мила.

Ха, мне все равно, от нее любое стерплю. Глядишь, выпустит пар, поколется своими колючкам, а потом все-таки сподобится выслушать.

– Саш, мне кажется, мчаться к ней плохая идея, – продолжила меж тем моя бывшая жена, – скорее всего, она тебя вообще на порог не пустит, а уж тем более не станет разговаривать.

– Тут нужен переговорщик, – вставил молчавший до этого момента Глеб.

– О, точно! – воскликнула экс-супруга. – Моя ты умница!

Мила смешно чмокнула Глеба в нос. Только он не возражал, а наоборот, тепло с любовью посмотрел на жену, умиляясь этой спонтанной похвале и приступу нежности. Я тоже умилялся, а в груди щемило, поскольку, кажется, свое счастье я проворонил, точнее прое**л с малолетней блондинистой сучкой, оказавшейся по совместительству младшей сестрой моей Розы. Причем прое**л вовсе не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле этого матершинного слова.

– Знаете что! – слегка торжественно объявила Мила. – К Тане поеду я, уж кого-кого, а беременную женщину она не сможет выставить вон, ну и, надеюсь, не станет со мной драться.

– Нет, Мила, что за глупости! – тряхнул раздражённо головой. – Не дело мужику прятаться за бабскими юбками, кроме того, тебе рожать скоро, это опасно, трястись, ехать в другой город. Спасибо за поддержку, но я сам разберусь со своими сердечными проблемами.

– Саш, беременная не значит больная, да на мне пахать можно! И со мной муж поедет... Правда ведь?!

– Конечно, – покладисто согласился Глеб.

– Нет, Мила, даже не думай!

– Саш, поверь, так будет лучше, девочки друг друга быстрее смогут понять.

– А, по-моему, Мила правильно говорит, – вставил дружок детства. – Не факт, что Таня позволит тебе хоть слово сказать, а Милку, несмотря на злость, совесть не позволит выпроводить.

– Нет, Мила, – после недолгих размышлений заговорил я, – спасибо большое за участие, но это плохая идея. Ты для нее чужой человек, кроме того, немногие поймут такие дружеские отношения бывших супругов, тем более, Тане может не понравиться, что я разболтал эту нелцеприятную историю другим людям. Как бы не усугубить ситуацию. А самое главное, если честно, мне очень хочется с ней увидеться. Прямо нестерпимо, – голос невольно дрогнул, – лучше я сам попробую с ней поговорить.

Присутствующие за столом понимающе переглянулись.

Глава 4

Конечно, я ожидала положительного ДНК теста, однако новость, рассказанная мамой, все равно вызвала непонятные реакции в моей душе. Таня, будь честна перед собой, реакции вполне объяснимы, ты расстроилась, потому что где-то глубоко внутри все-таки теплилась крохотная, малюсенькая, как песчинка, надежда, что Юля все придумала, сочинила, выдала за правду свои эротические фантазии. Такая большая, а в сказки веришь, точнее верила. Надежда умирает последней, и вот сейчас, кажется, она испустила последний дух. Ты же видела фото, где Шувалов голый на своей кровати, как их могла сделать Юля, не побывав в его квартире, да и Алекс в целом признал факт сексуальной связи с моей сестрой. Или ты рассматривала возможность простить неправильного принца, если вдруг этот ребенок окажется не от него?! Конечно, нет! А вдруг он смог бы вымолить у меня прощение?! Бред, предательству нет прощения! Я запуталась, я соскучилась, а в теле поселилась такая беспросветная тоска, хоть головой о стену бейся. Как же хочется увидеть его, хоть краешком глаза, хотя бы голос его услышать. Конечно, я удалила номер телефона Шувалова, однако моя природная хорошая память на числа, постоянно простреливала мозг цифрами его мобильного, они словно светились в голове яркой табличкой напоминания, или предупреждения.

Эти размышления прервал настойчивый звонок в дверь.

– Кого принесла нелегкая? – ворчала Люда, направляясь к двери.

Ее недовольство можно было понять, ведь сегодня воскресенье и только девять часов утра. Мы даже позавтракать еще не успели.

– Танюш, это к тебе? – раздался через минутку, обескураженный голос подружки.

Ко мне?! Но ведь о том, что я в Питере, знают только родители. От лица отхлынула кровь, а сердце заметалось внутри маленькой испуганной пичужкой. Шувалов, это может быть только он. Наверняка служба безопасности компании «Стройинвест» в состоянии найти, если надо, то из-под земли достать, скрывающегося от их начальника человека.

Возникло малодушное желание спрятаться... Точнее, два противоположных желания, одно – исчезнуть, раствориться в воздухе, поскольку я боялась смалодушничать при встрече с Шуваловым, а второе – бежать как можно быстрее в коридор, чтобы наконец-то взглянуть на своего неправильного принца. Он совсем не принц, Таня, ты перепутала... Алекс – чудовище, моральный урод, испохабивший такую красивую любовь между нами, обрюхативший твою младшую сестру. И тебе придётся с ним встретиться, поскольку спрятаться в однокомнатной съёмной квартире, находящейся на девятом этаже, попросту некуда. Не станешь же ты залезать в шкаф или закрываться на балконе? Никогда не опущусь до подобной трусости и глупости.

Негнувшиеся ноги сделали несколько шагов в сторону коридора. Дыши, Таня, дыши. Это ведь так просто, вдох-выдох, вдох... жаркого горячего удушающего воздуха. Конечно, в коридоре стоял генеральный директор компании «Стройинвест» – Шувалов Александр Иванович собственной персоной, одетый в дорогой стильный костюм, с отутюженными стрелками на брюках. Натертые до блеска дорогие черные туфли сияли так, что можно было ослепнуть. Голубая мечта любой, даже временно безработной, офисной девы. Какой безумно привлекательный мужчина, красивый, чуть ли не до зрительного экстаза, даже несмотря на свой хмурый сосредоточенный вид. Блин, ну почему же Люда открыла дверь?! Она ведь знала, что я не хочу с ним встречаться.

Красивые глаза опалили, обволокли расплавленной сталью... Как же это сложно – вновь видеть Шувалова, особенно сейчас, когда обида, нет, не прошла, конечно, трансформировалась в вечную тупую боль в груди, а тоска по совместным счастливым дням отвоевала прочное место в моей душе.

– Здравствуй, Танюша, – слегка хрипло произнес Алекс.

Это простое ласковое приветствие обладало сокрушительной силой. Прислонилась спиной к коридорной стенке, потому что ноги не держали, и только сейчас сделала выдох. А потом опять жадный вдох горячей, насыщенной напряжением субстанции, в которую превратился воздух подружкиной квартиры.

На приветствие не ответила, не было сил. Боже, я всего лишь лужа, расплавленная лужа не пойми чего, в которой потрескивают оголенные провода былой любви. Вдох-выдох. Черт возьми, быстро взяла себя в руки, облапошенная влюбленная Золушка, он не должен понять твою слабость!

– Танюш, давай с тобой попробуем поговорить, как взрослые люди, без рукоприкладства и оскорблений.

– Александр Иванович, – голос звучал твердо, и то радость, – вы зря себя утруждали, разыскивали меня, тащились в Санкт-Петербург, поскольку я не намерена снова обсуждать сложившуюся ситуацию, она не требует дополнительного обсуждения.

В цель попала, серые глаза сердито вспыхнули.

– Тань, ну что ты, в самом деле, – встряла Люда, – человек столько ехал, идите в комнату да поговорите спокойно.

– Нам не о чем больше разговаривать, – категорично повторила я, а вот мои глаза всю рассматривали Сашку, стараясь вдоволь наесться, насытиться видом этого красивого мужчины. Может, потом мне не будет так тоскливо.

– Татьяна Николаевна! – серая сталь шуваловских очей снова блеснула мрачным блеском. – Даже суды, пытаюсь разобраться в сути дела, заслушивают все стороны процесса и предоставляют последнее слово подсудимому. Так почему ты не даешь такого права мне?! Черт возьми, маньяков и убийц и то заслушивают!

– Александр Иванович, я не претендую на роль правосудия, я всего лишь заинтересованная сторона, точнее одна из жертв вашего большого сексуального либидо. Но если вам угодно, я могу уделить вам пять минут своего времени... Только большая просьба действительно обойтись без рукоприкладства, мне неприятно, когда посторонние люди нагло вклиниваются в мое личное пространство.

На красивом мужском лице теперь появилась свирепость. Не нравилось, ой не нравилось Шувалову быть посторонним.

Развернулась и решительно прошла в единственную жилую комнату подружкиной съёмной квартиры. Как меня еще ноги держат?! Удивительно. И хоть я не оборачивалась, но всей кожей чувствовала, что Алекс идет следом, а его взгляд с бесстыдной тоской от макушки до пяток пожирает мое тело.

Подошла к окну, начав усиленно любоваться непонятным серым месивом пейзажа питерского двора. Оборачиваться не стала – боялась своих реакций, особенно сейчас, когда мы остались с ним наедине. Пусть считает меня невоспитанной грубиянкой... Хотя на самом деле я маленькая трусишка.

– Кажется теперь, после того как пришли анализы ДНК, вас действительно можно поздравить, вы скоро станете папой.

Не смогла сдержаться от этого явного выпада в его сторону. Как оказывается, упоительно осознавать, что доставляешь кому-то боль. Любопытство победило, обернулась, чтобы насладиться зрелищем муки в красивых серых глазах. Меня ждало разочарование, мужское лицо было совершенно непроницаемым. Но что со мной?! Кажется, я превращаюсь в садистку, нет, скорее мазохистку, поскольку больно, прежде всего, мне, ведь это я когда-то хотела стать матерью его ребенка, мечтала, глупая, читать на ночь сказки нашим детям, а потом целовать их пухлые щечки, вдыхая неповторимый аромат детской кожи.

– Да, можно поздравить, – ровно и спокойно сказал Шувалов.

Почему-то от его спокойствия стало обидно. Моя каждодневная боль требовала причинения ответных страданий.

– Так о чем вы, собственно, хотели со мной поговорить?

– О любви, Таня.

Презрительно усмехнулась.

– О, Александр Иванович, искренность своей любви, вы доказали поступками. Я подобное мужское поведение считаю предательством.

Кажется, Алекс неплохо подготовился к этой встрече, на привлекательном мужском лице не дрогнул ни один мускул, не проскользнуло ни одной мало-мальской эмоции.

– А как ты охарактеризуешь поведение своей сестры? Хочешь, я расскажу, при каких обстоятельствах был зачат этот ребенок.

Мы словно фехтовальщики на ринге, обменивались уколами. Интересно, кому из нас больнее?!

– Нет нужды, Александр Иванович, Юля мне уже рассказывала, и даже прислала вашу фотографию, где вы, утомленный после этого интенсивного процесса, спите у себя в кровати.

Ага... Желваки заходили на скулах, значит, мой удар достиг цели...

– Я не оправдываю Юлю, но хочу напомнить, ей только восемнадцать лет, в этом возрасте, наверное, бывает трудно совладать со своими чувствами и желаниями, тогда как вы, Александр Иванович, разменяли уже четвертый десяток.

– Мужики всегда остаются мужиками. Юля мне наплела, что ей некуда пойти, поскольку сестренка в квартире кувырывается с каким-то воздыхателем. И я, добряк, точнее кретин, пожалел бедную девочку, оставил переночевать. И во сне твоя невинная восемнадцатилетняя сестричка залезла на меня сверху. В такой ситуации только святой мог остановиться. Млять, я не святой!..

– Вы пытаетесь меня убедить, что пустили в дом совершенно незнакомую постороннюю девушку? И намекаете на то, что у вас был один-единственный сексуальный контакт, да такой неудачный, точнее очень удачный, что партнерша сразу забеременела. Саш, – от интимности этого обращения Шувалов вздрогнул, безразличная маска его лица, наконец треснула, показывая ту самую ответную муку, – в самом деле, я ведь не идиотка. Зачем, ты опять повторяешь такую глупость?! Зачем так неумело врешь?!

Мужское лицо стало усталым и грустным.

– Возможно, правда выглядит так неумело, потому что я не пытаюсь приукрасить ее ложью. Если хочешь знать, я трахался с твоей сестрой два раза.

Ну конечно, каждый, кто не первый, тот у нас второй. Нашел дурочку. А в машине, значит, он ее просто так подвозил, и в кабинет Юля, видимо, заходила просто рыбками в аквариуме полюбоваться.

– Первый раз я пьяный снял ее возле одного ночного клуба, и она без ложной скромности сразу же согласилась поехать ко мне.

– Да, Юля мне рассказывала о том, как начиналась ваша сексуальная связь.

– Причем, прошу заметить, мы с тобой в тот момент еще не... не состояли в интимных отношениях.

– Но мы уже были знакомы, – вставила я, – на мой взгляд, это уже достаточный повод, чтобы удержаться от снятия девиц в первом попавшемся ночном клубе.

Шувалов раздосадовано крякнул.

– А второй раз она пришла ко мне, чтобы забрать специально забытую сережку. Ну и потом, я сделал откровенную глупость, пожалел бедную девочку, оставил переночевать.

– Совершенно неважно, сколько раз вы совокуплялись, главное другое – последствия, к которым привела ваша похоть.

– Твой отец приходил ко мне, настаивал, чтобы я женился на Юле. Ну это же откровенная глупость!

– Глупостью было спать сразу с двумя женщинами, не используя при этом контрацептивы, а такой поступок я бы назвала ответственным и благородным со стороны мужчины.

– Ответственным и благородным! – словно взбешенный медведь, заорал Шувалов и вмиг приблизился, схватив меня за плечи.

Боже, как жгутся его пальцы.

– Ответственно и благородно загубить жизни троих человек из-за случайной беременности?!

Вытянула вперед руки, пытаясь остановить двинувшуюся на меня агрессивную мужскую мощь.

– Д-да, я действительно так считаю.

Серые глаза мрачно вглядывались в мое лицо, а мне хотелось одного – убежать, скрыться от этого мучительного вопрошающего взгляда.

– Таня, – на удивление мягко начал Шувалов, – из любой, даже самой тупиковой ситуации, должен быть выход... Особенно, если люди любят друг друга. Я не собираюсь уходить от ответственности и постараюсь стать хорошим отцом для этого ребенка, буду его во всем поддерживать. Но это не отменяет возможности отношений между нами... Танюш, прости меня, я поступил по-скотски, прости, девочка моя ненаглядная, привык слишком легко относиться к жизни и сексу, потому что никогда до этого не боялся потерять женщину. Поверь, я смогу, стану тебе хорошим и верным мужем, да ни на одну больше не гляну, если ты будешь со мной.

Перестала дышать, застыла в его объятьях неподвижной мраморной статуей. Только внутри мрамора все дрожало, плавилось и болело. Мужское лицо начало медленно приближаться, а красивые губы раскрылись, собираясь меня поцеловать. Нет!..

– Александр Иванович, вы обещали ко мне не прикасаться, но даже сейчас не выполняете своих обязательств, почему я должна верить вам в таком долгосрочном прогнозе?

Мужские пальцы медленно и неохотно разжались на моих плечах...

– Ты непробиваема, Таня, просто непробиваема, – простонал Шувалов с отчаяньем. – Знаешь, сейчас мне кажется, что ты совсем меня не любила.

– Любить нужно достойных мужчин.

– Достойных?! – снова заорал Шувалов.

Красивые серые глаза блеснули болью, а потом... потухли. Сашка резко развернулся и вышел из комнаты.

– Любила, – тихонько прошептала я в пустоту, – и сейчас, наверное, тоже люблю... Но по-другому поступить не могу. Даже если на миг представить, что я простила (ах, как сладко об этом думать), мы поженились, и потом у нас тоже появился ребёнок. Как мы будем объяснять детям, когда они подрастут, что они не двоюродные, а сводные?! Как будет жить маленький человечек, зная, что того, второго любят сильнее и уж гораздо больше проводят с ним времени. Нет, я не могу так поступить со своим племянником или племянницей... Думаю, Александр Иванович, вам лучше смириться, забыть меня и все, что между нами было.

А ты, Таня, ты сможешь забыть?

Как ошпаренный, выскочил из съемной квартиры Таниной подружки. В груди снова потоки кровищи, на этот раз она меня убила, точнее, убила ту маленькую, словно песчинка, надежду на наше примирение. Теперь внутри только боль и отчаянье... А еще несмотря на все – любовь, ведь моя Роза такая красивая, такая желанная и теперь до бесконечности недостижимая. Мать твою! Как же мучительно осознавать, что Таня права, она, в самом деле, достойна гораздо лучшего мужчины.

Сел в серебристый мерседес, ударил по газам и рванул с этого ничем не примечательного питерского двора. Больше я не мог находиться в прекрасном городе Санкт-Петербурге, он душил, сжимался вокруг меня маленьким кольцом, не дающим полноценно вдохнуть. Впрочем, выбираться пришлось долго, несмотря на выходной день, желающих прокатиться было пруд приди, да и не погоняешь сильно по городским дорогам. Хотя так хотелось во всю мочь, словно на гонках, лететь быстрее вперед, ведь на финише, даже если ты пришел далеко не первым, всегда испытываешь облегчение... Гонка для тебя закончилась, Шувалов, свою Розу ты потерял... Она уволилась, уехала в другой город, неоднократно послала тебя куда подальше, обрубив все концы, не желая даже случайно пересекаться с таким недостойным человеком.

Выехал за город, свернул на проселочную дорогу, остановил машину. Внутри меня бушевало холоднящее отчаянье и раскаленная злость, они соприкасались вместе, шипели в теле, оседая горечью в душе. Мне нужно срочно помахать кулаками, выпустить из себя это шипение, а то, не дай бог, врежусь в кого-нибудь на всем ходу, покалечив себе и других. И если я – кобелина – заслужил, то другие люди совершенно не виноваты в моем любовном фиаско. Как назло, поблизости ни одного дерева, с которым можно пободаться. Придется тебе, дружок мерс, потерпеть, начал пинать колеса машины ногами, потом пару раз со всей силы ударил кулаками по дорогой обивке сидений. Тонкой выделки бежевая кожа треснула. Лучше бы голову себе разбил, придурок! Свой машины я всегда берег с особой тщательностью. Прости, дружок мерс, потерпи еще. Стукнулся лбом о металлический корпус мерседеса. Больно, только душевная боль все равно сильнее. Еще раз лбом о машину, из горла вырвался стон, но заплывавшие мушки в глазах немного остудили мой пыл. Вместо шипящего отчаянья вперемежку со злостью пришли опустошение и решимость. Пусть будет так, Таня. Пусть! Мне теперь все равно. Я стану ответственным и благородным, ведомый любимой рукой, даже на плаху полез. Посмотрим, моя ненаглядная Роза, понравится ли тебе мое благородство.

– Алло, Андрей Анатольевич!

– Да, босс, здравствуй.

– Привет! Прости, что в воскресенье звоню, привык во всем на тебя полагаться, слушай, мне срочно нужно найти хорошего юриста в области семейного права.

– Босс, неужто надумал жениться? Поздравляю, нашел, уломал-таки свою зазнобу.

Его слова полоснули ножом по сердцу.

– Нет, Андрюх, я женюсь не на Тане Лазаревой, а на ее сестре.

В трубке мобильного телефона озадаченно кашлянули:

– Неожиданная рокировка, босс.

Да уж...

– А парни, которые наблюдают за младшей Лазаревой, пусть пока остаются?

Надо отдать Андрею должное, быстро пришел в себя. И чувствуя мое состояние на пределе, не стал проявлять любопытство.

– Да, пускай продолжают слежку.

Впрочем, Юля, судя по отчетам ребят из службы безопасности, вела себя паинькой, пару раз ходила в институт, посещала больницу, довольно частенько встречалась с подружкой Алиной, любила пробежаться по магазинам, но практически ничего не покупала, больше глазела и, как мне видится, истекала слюной. С подозрительными лицами мужского пола не встречалась. Обычная девчонка... белобрысая сука, испохавившая мою любовь, моя будущая супруга и мать моего ребенка.

– Андрей, найди, пожалуйста, хорошего юриста, – снова повторил я, – он нужен мне уже в понедельник.

– Конечно, Саш, сейчас же займусь этим вопросом.

Глава 5

Настойчиво нажал на кнопку звонка двери семейства Лазаревых. Пришло время быть ответственным и сделать предложение прекрасной блондинке Юленьке. Как назло, дверь открыла именно она.

– Сашенька! – просияла белобрысая стерва и по совместительству будущая мама моего ребёнка, совершенно бесцеремонно кинувшись мне на шею. – Безумно рада тебя видеть!

А я-то как рад, аж передернуло от отвращения. Стерпится – слюбится, говорит народная молва... Ну-ну.

– Посмотри, видишь, у меня уже небольшое пузико появилось.

Ля-ля-ля совершенно нагло схватила меня за руку, положив мою ладонь на свой живот. Как по мне, никакого «пузика» еще не наблюдалось, лишь едва заметная выпуклость. Юля выглядела все такой же худенькой и стройной, словно тростинка. Неужели внутри этой изящной девушки, растет мой ребенок?! МОЙ?! Это мысль вызвала непонятные ощущения, грудь засадила, словно незажившая рана. Странно, к этому маленькому человечку я не чувствовал отторжения. Неужели отцовский инстинкт просыпается?! Хотя Мила, обосновывая свое решение об аборте, помнится, говорила, дескать, у мужчин чувства к детям возникают гораздо позднее, только после рождения ребенка, и то при условии, что отец постоянно участвует в его воспитании. Однако, несмотря на эти утверждения, сейчас внутри меня появилось что-то вроде желания, или ответственности, сделать все возможное, чтобы у этого случайного заделанного по глупости малыша было счастливое детство. Я приложу к этому максимум своих усилий. Только как поступить с его матерью?! Стерпится – слюбится? Почему-то в подобную возможность слабо верилось. Удивленно перевел взгляд на свою руку. Млять, что я делаю?! Пальцы нежно поглаживали живот юной блондинки. Юленька томно прикрыла глаза, из дивных пухлых губ вырвался едва слышный стон. Будто обжегшись, отдернул свою руку. Эта ласка предназначалась вовсе не этой белобрысой юной сучке, а моему ребенку.

– Родители дома?! – хмуро спросил я, никак не прокомментировав свои нежные поглаживания и ее якобы появившееся «пузико».

– Да, дома...

– Хорошо, хочу поговорить с ними, точнее всеми вами.

Прошли с красавицей Ля-ля-ляшкой в квартиру. Коридор, такой до боли знакомый коридор. Сразу вспомнилось, как когда-то я здесь попрощался с Таней Лазаревой. Невольно задвигал челюстью, коридорный мордобой также не шел из головы, как и болезненные слова Андалузской красавицы: *«Александр Иванович, пожалуйста, вынесите за собой мусор»*. Мусор... Для Тани я всего лишь грязь, повстречавшаяся на ее светлом жизненном пути, которую можно хорошенько попинать, плюнуть в душу и растоптать.

– Мам, пап, Шувалов пришел.

Из комнаты появился Николай Иванович. Непривычно было видеть его одетого так по домашнему, в шорты и растянутую застиранную футболку. Теплый антициклон принес жаркую и душную погоду в город. Сейчас, наверное, даже в Питере жарко... Черт, я постоянно мысленно возвращаюсь в этот неприветливый город. Все думаю, как там моя прекрасная девочка? Не твоя, Алекс, не твоя... Ты ей совершенно не нужен, она ждет достойного, идеального во всех отношениях мужчину. Коим ты не можешь являться, потому что не святой, потому что предал ее доверие и прощения тебе нет, и быть не может.

– Здравствуйте, мне кажется, пришло время обсудить некоторые вопросы.

– Пройдем в гостиную, – буркнул Николай Алексеевич, так и не удостоив меня приветствием.

Ну хоть не оскорбляет, называя «скотом», «мерзавцем» и «паршивцем», да не кидается с кулаками. И то большая радость.

– Если это возможно, пусть Эльвира Тимофеевна тоже присоединится к нашему разговору.

– Эль, Эля, выйди, пожалуйста.

Скоро из спальни показалась слегка растрёпанная, одетая в простенький хлопковый халатик, Эльвира Тимофеевна. Красивая женщина, ничего не скажешь, ей бы денег побольше, чтобы навести лоска, и можно чуть ли не подиум покорять. Вообще, все женщины семейства Лазаревых очень хороши собой, да и папа в юности тоже, наверное, был красавчиком, во всяком случае, у него очень правильные черты лица. О чем я думаю, придурок!

– Добрый день! – вежливо поприветствовал я Танину маму, – извините за поздний визит, хотелось застать вас дома.

– Здравствуйте, Александр Иванович, – сдержанно произнесла Эльвира Тимофеевна, – ничего страшного, мы довольно поздно ложимся.

Такой гурьбой мы прошли в гостиную. Что же, сделаем по всем правилам, кажется, в этой семье любят соблюдение традиций. Только на одно колено становиться не буду, лучше сдохну.

– Николай Алексеевич, Эльвира Тимофеевна, я хочу попросить руки вашей дочери... Юлии.

Заминка была не случайна, на языке крутилось несколько иное имя. Эх... Совсем другую дочь я хотел забрать из этого дома и сделать навсегда своей. Почему-то на лицах родителей прекрасных сестренек родителей застыла растерянность. Словно Николай Алексеевич не приходил ко мне в кабинет оскорблять и настаивать на браке, будто они ни сном ни духом и мое предложение застало их врасплох. Наверное, несмотря на тот визит, никто из семейства Лазаревых по-настоящему не верил в возможность брака между нами. Я тоже не верил, даже сейчас до конца не могу понять, зачем иду на этот безумный шаг. Но раз Таня Лазарева считает подобный поступок «ответственным и благородным», то пусть будет так. По большому счету мне теперь плевать, на ком жениться, да хоть на столбе. Кроме того, имелись и другие соображения в пользу этого брака.

– Сашенька, любимый! – снова бросилась на мою шею блондинка.

Стоило невероятных усилий не кривиться, не отталкивать в отвращении ее руки. Малолетняя блондинистая су..мать моего будущего ребёнка.

– Кхм... – откашлялся Николай Алексеевич, приходя в себя, – и когда вы планируете свадьбу?

– Надо как можно быстрее, – воодушевленно заверещала Юля, – не хочу, чтобы на фотографиях был виден живот.

Блин, о свадьбе с белым платьем, фатой, танцами и плясками я как-то особо не задумывался.

– Мне кажется, – сдержанно заговорил я, – учитывая обстоятельства, будет благоразумнее просто расписаться в загсе, не устраивая торжеств по этому поводу.

– Как так? – тут возмущенно вскричала Юлька. – Папа, я всегда мечтала о свадьбе... Мам, пап, – теперь в голосе Ля-ля-ля послышались плаксивые нотки, – вы не можете поступить со мной и моих ребенком так жестоко. Иначе люди будут говорить, что Шувалов женился на мне по залету.

В общем-то, так и есть, это одна из самых главных причин, мне казалось, все присутствующие это понимают.

Лицо Николая Алексеевича посуровело.

– Па-па... – растерянно взглянула на отца Ля-ля-ляшка...

– Александр Иванович, о свадьбе мечтала не только Юля, мы с Эльвирой Тимофеевной тоже всегда хотели и считали своим долгом выдать дочерей замуж, как полагается... А вы хотите лишить нас возможности выполнить свой родительский долг.

Ёксель-моксель, опять слова о высоких материях. Почему только никто не думает о Тане? О том, как отнесется Андалузская роза к пышной церемонии нашего бракосочетания?!

«Глупостью было спать сразу с двумя женщинами, не используя при этом контрацептивы, а такой поступок я бы назвала ответственным и благородным со стороны мужчины».

Возможно, соблюдение свадебных традиций Таня тоже сочтет вовсе не признаком всеобщего идиотизма, а показателем истинного благородства. Практически все семейство Лазаревых, за исключением Юлечки, застряло то ли в коммунистическом прошлом, то ли еще дальше – веке этак девятнадцатом.

– Вы считаете это благоразумным? – задал я вопрос, пытливо посмотрев на старшего Лазарева.

– Я считаю это необходимым. Моя дочь не безродная шавка... и должна выйти замуж, как полагается...

– От этого брак не станет крепче, – как я ни старался, но в моем голосе проскользнула ирония.

Свирепости во взгляде Николая Алексеевича только добавилось, Эльвира Тимофеевна все это время молчала, в ее глазах была растерянность.

– Крепость брака будет зависеть от вас двоих и прилагаемых вами усилий, – продолжил отец моей будущей жены.

Никаких усилий я не собирался предпринимать, цели моего брака были совсем другие. Впрочем, обижать этими откровениями семейство Лазаревых я не стал.

– В обществе и семье должны соблюдаться традиции, иначе все покатится к чертям собачьим.

– Нельзя лишать человека мечты и счастливых воспоминаний, – вставила Эльвира Тимофеевна.

Юля встревоженно переводила свой взгляд то на меня, то на родителей.

Не уверен, что воспоминания будут счастливые, точнее на сто процентов уверен в обратном. Впрочем, пускай будет свадьба. Почему нет?! Так даже лучше, во всяком случае, больнее. Мне уж точно. А еще до жути интересно, моя Роза сможет проявить великодушие и благородство, придя на наше бракосочетание со своей сестрой? Или побоится?!

– Будет небольшая свадьба для самых близких, – наконец ответил я. – Думаю, не стоит превращать это событие в балаган.

Помнится, из нашей свадьбы с Милой родители устроили целое театральное представление, только гостей было около четырехсот человек, еще бы, сбылась их давняя мечта – породниться друг с другом. А поскольку обе стороны не испытывали материальных затруднений, деньги лились рекой.

– Приглашенных максимум по тридцать человек с каждой стороны, – в моем голосе была деловитость, – с датой давайте определимся прямо сейчас. Насколько я знаю, пара, прежде чем пожениться, должна ждать месяц, если мы подадим заявление завтра, то ближайшие выходные после окончания этого срока, – посмотрел на календарь в своем смартфоне, – девятого сентября.

Иронично подумал про себя, все равно, что одиннадцатое сентября для Америки.

– Пусть будет именно это число, если у вас, конечно, нет возражений.

Николай Алексеевич неопределенно пожал плечами.

– Сашенька, мне очень нравится, – довольно улыбнулась Юля.

– Прекрасная дата, – похвалила Эльвира Тимофеевна, – еще тепло, овощи, фрукты в избытке. Раньше всегда гуляли свадьбы в августе-сентябре.

– Отлично, значит, с датой определились.

– Саш, а куда мы поедem в медовый месяц?!

Сука, наглая сука! В медовый месяц она захотела...

– Юля, – постарался придать голосу максимальной твердости, – мне кажется, с медовым месяцем лучше подождать до рождения нашей детки. У тебя была угроза выкидыша и, как мне сказал твой врач, очень низкий уровень гемоглобина, а перелет – штука опасная, я не хочу рисковать ребенком.

– Но ведь говорят, беременность это не болезнь. Да куча девушек в положении по всему миру летают. Ты какие-то глупости говоришь.

Грозно глянул на прекрасную блондинку.

– Юля, все путешествия только после рождения ребенка, – снова повторил я, напустив в голос еще большей суровости.

Голубенькие глаза моей «ненаглядной» невесты зло блеснули. Ах, дорогая Юленька, тебе не помешает научиться лучше контролировать свои эмоции.

– Мам, пап! – снова обратилась она за родительской поддержкой. – Ну как же так?! Все молодожены ездят в свадебное путешествие, я так об этом мечтала.

Мне похрен на ее мечты, хватит с Юльки свадьбы, ни в какое путешествие я с ней не поеду.

– Александр Иванович прав, – неожиданно поддержал меня Николай Алексеевич, – лучше повременить, мало ли что в полёте может произойти, да и на отдыхе тоже. Не понимаю я этих современных мамаш, иногда на девятом месяце прутся куда-то, совершенно головой не думают.

Прямо захотелось расцеловать его за подобные речи. Так, пожалуй, недалеко и до установления дружеских отношений зятя с тестем. Ага, размечтался, придурок.

– Прошу вас, не надо официальных, зовите меня Сашей или Алексом, ведь мы скоро станем одной семьей.

Учитывая коридорный мордобой и оскорбления из уст Николая Алексеевича в моем кабинете, последняя фраза звучала несколько издевательски. Но старший Лазарев решил промолчать, а Юля, недовольно поджав губы, надулась. Гляди не лопни, деточка.

– Мои юристы подготовили брачный контракт, хочу, чтобы вы его посмотрели.

Достал из портфеля два экземпляра договора, над которым сегодня целый день трудился один из лучших в нашем городе адвокатов, специализирующийся на брачно-семейных делах.

– Эх, не с того ты начинаешь совместную жизнь, – сказал Николай Алексеевич с укором и снова презрительно посмотрел в мою сторону.

Целоваться с ним перехотелось. Но презрительная мина отца семейства меня больше не задевала. Видно, и правда становлюсь мерзавцем, или обрастаю броней, которую хрен пробьешь уничижительными взглядами.

– Я деловой человек, в наше время богатые люди всегда стараются обезопасить себя в денежных вопросах. Охотниц за чужими деньгами сейчас немало развелось.

Николай Алексеевич, заскрежетал зубами, намек на корыстность его младшенькой доченьки ему явно не понравился.

– В этом контракте пункт 3.2. пока не заполнен, в нем оговаривается сумма, которую ежемесячно будет получать на содержание моя жена. Я хочу, чтобы вы сейчас совместно определили ее величину.

Признаться, этот вопрос я вынес на всеобщее обсуждение специально, поскольку уверен, коммунистические воззрения старшего Лазарева не позволят требовать слишком много, тем более, он совсем недавно кричал, что ему не нужны мои деньги. Кстати, заодно и посмотрим, нужны или нет?! Таких демагогов я тоже встречал немало, особенно, когда выкупал землю под строительство, сначала утверждают, что им нечего не надо, кроме этого кусочка земли и

хитарки на ней, а потом такие суммы загибают, мама не горюй. Иллюзий насчет маленькой белобрысой стервы – моей будущей жены – я совсем не питал, она более чем меркантильная штучка. Мне до сих пор помнится жадный блеск ее небесно-голубых глазок, когда мы вели торг по поводу суммы за ее молчание.

Сейчас эти голубые глазки обеспокоенно забегали, она с опаской посмотрела на папу, потом на маму. Ага, миленькая, в присутствии родителей не с руки показывать свои шкурные интересы.

– Николай Алексеевич, вы глава семьи, думаю, именно вы должны решить этот вопрос. Само собой, в договоре предусмотрено, что по соглашению сторон, но не чаще одного раза в год, эта сумма может корректироваться. Данные деньги будут идти исключительно на нужды вашей дочери: наряды, косметику, и тому подобные женские штучки. Питание, содержание жилья, и другие расходы по дому целиком и полностью идут из моего кармана и не входят в эту сумму. Также контрактом предусмотрено, что я не претендую на те деньги, которые Юля будет зарабатывать в будущем, и на имущество, приобретенное ею в течение нашего брака. Содержание ребенка регулируется другим пунктом, я беру на себя абсолютно все связанные с ним расходы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.